

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАЛОЯРОСЛАВЦЕ 12.10.1812

Сражение* при Малоярославце как по своему характеру, так и по стратегическим результатам занимает особое место в истории Отечественной войны 1812 г. Необыкновенное упорство, проявленное обеими сражавшимися сторонами ставит его в ряд самых ожесточенных и кровопролитных боевых столкновений не только русского похода Наполеона, но и всех наполеоновских войн. В год 180-летнего юбилея Малоярославецкого сражения мы вновь обращаемся к нему, чтобы на основе многочисленных архивных документов, воспоминаний участников и других источников описать это событие с максимальной подробностью.

Маленький русский городок Малоярославец стал тем пунктом, где в октябре 1812 г. было остановлено продвижение армии Наполеона, следовавшей из Москвы в Калугу. Французский император, потерявший надежду на заключение мира с Россией, хотел, оставив Москву, отступить в Смоленск, где находилась важная тыловая база французов, не по разоренной Можайской дороге, а через нетронутые еще войной области, лежащие к юго-востоку от древней русской столицы. Он планировал с главными силами своей армии выйти из Москвы по Старой Калужской дороге, а затем, присоединив к себе авангард маршала И. Мюрата, отступивший после боя на речке Чернишне к Воронову, перейти на Новую Калужскую дорогу и следовать через Боровск и Малоярославец на Калугу. Из Калуги, где, как было известно Наполеону, находились богатые склады продовольствия, собранного для русских войск, французский полководец намеревался повернуть на северо-восток и идти к Смоленску. Для осуществления этого замысла Наполеону необходимо было скрыть свой маневр от русского командования, так, чтобы армия Кутузова, расположенная в Тарутинском лагере, оставалась там как можно дольше и не успела преградить французам путь в Калугу*.

7 октября 1812 г. армия императора Наполеона выступила из Москвы по Старой Калужской дороге. В городе был временно оставлен 8-тысячный корпус маршала Э.-А. Мортье, получивший задание вывезти из Москвы всех годных к эвакуации больных и раненых, заминировать Кремль, а затем, взорвав его, направиться к Можайску на соединение с VIII (вестфальским) корпусом генерала А. Жюно.

8 октября передовой отряд наполеоновской армии, состоявший из войск IV армейского и III кавалерийского корпусов, достиг Красной Пахры, откуда свернул на проселочный путь, ведущий в село Фоминское (ныне город Наро-Фоминск), т. е. на Новую Калужскую дорогу. Начальником этого авангарда был принц Евгений-Наполеон Богарнэ, 31-летний пасынок французского императора. Несмотря на свою молодость, он уже успел проявить качества хорошего полководца и администратора. Еще юношей сын Жозефины Богарнэ участвовал вместе с генералом Бонапартом в Египетской экспедиции 1798-1799 гг. и в Итальянской кампании 1800 г. Став в 1804 г. принцем Французской империи, он в следующем году получил титул вице-короля Италии, который сохранял до 1814 г. В 1809 г., командуя Итальянской армией, принц Евгений с успехом воевал против австрийцев в Северной Италии, а затем, соединившись с главными силами Наполеона, действовавшими на Дунае, отличился в двухдневной битве при Ваграме. Во время русского похода 1812 г. вице-король командовал IV корпусом Великой армии, частично состоявшим из итальянских войск. Во главе этого корпуса он принял активное участие в боях под Витебском и в Бородинском сражении, причем в последнем, возглавляя все левое крыло боевого порядка, захватил с. Бородино и Кур-ганную батарею. По свидетельству знавших его современников, Евгений Богарнэ имел благородный, рыцарский характер, сочетая в себе «доблесть молодого воина и опыт старого генерала»².

* В документах и исторической литературе сражение при Малоярославце называется также боем. Вероятно к нему применимы оба этих термина, т. к., начавшись как частный бой между двумя корпусами, оно затем, с прибытием к Малоярославцу Наполеона и Кутузова с их главными силами, превратилось по существу в сражение. В то же время следует отметить, что после подхода к городу русской и французской армий численность реально участвовавших в деле войск возросла незначительно.

* Желая замаскировать свои намерения, французский император возобновил переговоры с Кутузовым. В Главную квартиру последнего был отправлен полковник Бертеми, который привез русскому фельдмаршалу письмо начальника штаба Великой армии маршала Л.-А. Бертье. В этом послании выражалась готовность «принять меры для придания войне характера, сообразного с общепринятыми правилами и прекратить напрасное опустошение страны, вредное как для России, так и для императора Наполеона»¹.

9 октября 1812 г. авангард Богарнэ прибыл в Фоминское, где еще с 4 октября находился французский отряд дивизионного генерала Ж.-Б. Бруссье, перешедший туда с Можайской дороги, из села Большие Вяземы*. Теперь в районе Фоминского собрался весь IV корпус Великой армии (13-я, 14-я, 15-я пехотные дивизии, итальянская гвардия и легкая кавалерия генерала Ф. Орнано), усиленный III кавалерийским корпусом – всего около 24000 человек*. Наполеон в этот день перенес свою главную квартиру, сопровождаемую частью гвардейской кавалерии, из с. Троицкого в д. Плесково. Старая гвардия (3-я гвардейская пехотная дивизия генерала Ф.-Ж.-Б.-Ф. Кюриала) под начальством маршала Ф.-Ж. Лефевра, I корпус маршала Л. Н. Даву (2-я 3-я, 4-я и 5-я пехотные дивизии генералов Ф.-М. Дюфура, Ж.-Б. Жерара, Ж.-Б. Фридрихса и Ж.-Д. Компана), а за ним – 2-я гвардейская пехотная дивизия генерала Ф. Роге (Молодая гвардия), охранявшая казну Великой армии и обоз с трофеями, захваченными в Москве, 9 октября перешли на проселочную дорогу, ведущую к Фоминскому. На Старой Калужской дороге остались: резервная кавалерия маршала И. Мюрата (короля Неаполя и обеих Сицилий), III корпус маршала М. Нея, польская дивизия генерала М. Клапареда (Легион Вислы, прикомандированный к Молодой гвардии), 1-я пехотная дивизия генерала Ш.-А.-Л.-А. Морана (из корпуса Даву) и гвардейская кавалерийская бригада генерала Э. Кольбера.

В это время недалеко от Фоминского находились русские летучие отряды под командой шефа Изюмского гусарского полка генерал-майора И. С. Дорохова и капитанов артиллерии А. Н. Сеславина и А. С. Фигнера**. 7 октября, получив от пленных сведения о пребывании в Фоминском французской 14-й пехотной дивизии генерала Бруссье, усиленной кавалерией, генерал Дорохов оставил для наблюдения за противником конницу своего отряда, а сам с пехотой отступил на 8,5 километров от Фоминского к деревне Коряково*. Это отступление было вызвано тем, что начальник русского отряда вдвое преувеличивал численность войск Бруссье, определяя ее в 8000-10000 человек вместо реальных 5000. 9 октября Дорохов отправил в Главную квартиру Кутузова очередной рапорт, в котором высказал предположение, что французский отряд Бруссье был переведен в Фоминское для поддержания сообщения главных сил Наполеона, которые он ошибочно считал находившимися у Воронова (на Старой Калужской дороге), с Можайском**. Докладывая о наступлении авангарда Бруссье от Фоминского к д. Котово, Дорохов сообщил

* Под командой генерала Бруссье находилась его 14-я пехотная дивизия (кроме двух батальонов Испанского полка «Жозеф-Наполеон», оставленных в Больших Вяземах) и большая часть кавалерии IV армейского корпуса во главе с дивизионным генералом Ф. Орнано. В состав последней входили: 21-я легкая кавалерийская бригада полковника Ф. В. фон Эльбрахта (3-й и 6-й баварские легкоконные полки) с приданными ей четырем орудиями 1-й баварской конной батареи, под общим начальством командира баварской кавалерийской дивизии генерал-майора графа М. фон Прейзинга, а также 12-я легкая кавалерийская бригада генерала К.-Р. Гюйона (9-й и 19-й французские конноегерские полки). 22-я бригада из дивизии Прейзинга (4-й и 5-й баварские легкоконные полки) вместе с двумя орудиями баварской конной батареи оставалась в Больших Вяземах. В Фоминском у генерала Бруссье было, таким образом, 14 батальонов пехоты, 4 полка легкой кавалерии и 28 орудий. К тому времени французские пехотные батальоны имели в среднем всего по 200-250 штыков, а кавалерийские полки – по 200 сабель, так что весь отряд Бруссье, стоявший в Фоминском и его окрестностях, насчитывал немногим более 5000 человек, в том числе около 800 кавалеристов.

* 28 сентября (10 октября) 1812 г. IV армейский корпус насчитывал 25624 человека и 92 орудия³, однако к 9 (21) октября его численность несколько сократилась. Кроме того, следует вычесть из состава корпуса численность двух батальонов и двух кавалерийских полков, оставленных в с. Большие Вяземы (на Можайской дороге)

** На 1 октября 1812 г. в состав летучего отряда генерал-майора Дорохова входили: Полоцкий и Вильманstrandский пехотные полки, батальон 19-го егерского полка, Елисаветградский гусарский полк, донские казацкие полки подполковника Власова 3-го, войскового старшины Грекова 21-го и войскового старшины Комиссарова, 4 орудия 3-й легкой артиллерийской роты (при пехоте) и 4 орудия 5-й конной роты. Партия гвардии капитана Сеславина состояла из одного эскадрона Сумских гусар и донского казацкого полка войскового старшины Гревцова 2-го, а партия капитана Фигнера – из одной роты 20-го егерского полка, трех эскадронов регулярной кавалерии (гусарского, уланского и драгунского) и сводной команды казаков⁴.

* 7 октября отряд Дорохова получил в подкрепление Софийский пехотный полк и еще один батальон 19-го егерского полка, а 9 октября – 6-й и 33-й егерские полки, присланные в Коряково из Тарутинского лагеря. Вместе с этими частями у Дорохова было 14 батальонов пехоты, 5 эскадронов гусар, 15 сотен казаков и 8 орудий, всего 7-8 тысяч человек. Конница отряда была разделена на семь постов. 1-й пост, расположенный в селе Каменском, вел наблюдение по р. Наре и поддерживал связь с главными силами русской армии, 2-й пост стоял перед деревней Слизнево, 3-й – около Котова, 4-й – в деревне Башкино, служившей сборным пунктом для остальных постов, 5-й – в Кузьмине (на Боровской дороге), откуда он выдвигал разезды к Фоминскому, 6-й – в селе Желудкино, на дороге из Фоминского в Верее, и 7-й пост – в Верее. Самыми крупными были три центральных поста, из которых 4-й и 6-й имели в своем составе по одному казацкому полку и гусарскому эскадрону, а 5-й, являвшийся авангардом отряда Дорохова, – 1 полк казаков и 3 эскадрона гусар⁵.

** В Можайске и его окрестностях был расположен VIII (вестфальский) корпус Великой армии под командой генерала А. Жюно (около 5700 человек).

Кутузову, что «сие действие неприятеля может быть предварительным движением целой его армии на Боровск»⁶.

Получив донесение Дорохова от 9-го числа, генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов решил поддержать его отряд крупными силами и разбить французские войска генерала Бруссье, расположенные в районе Фоминского. Проведение этой экспедиции он поручил генералу от инфантерии Дмитрию Сергеевичу Дохтурову, командиру 6-го пехотного корпуса. 56-летний Дохтуров был одним из самых опытных и боевых русских генералов. За плечами у него были кампании против французов в 1805 г. и 1806-1807 гг., во время которых он прославил свое имя, отличившись в сражениях под Кремсом, Аустерлицем, Голымином, Прейсиш-Эйлау и Фридландом. В 1812 г. его слава снова заблестала при обороне Смоленска и на поле Бородине. Во время Бородинского сражения именно Дохтуров был послан Кутузовым на левое крыло, чтобы возглавить 2-ю Западную армию вместо раненого князя Багратиона. Русский главнокомандующий знал, что этому военачальнику он может доверить самое трудное и опасное дело.

В состав регулярных войск, выделенных Кутузовым для экспедиции к Фоминскому, вошли: 6-й пехотный корпус Дохтурова (8843 человека и 74 орудия), 1-й кавалерийский корпус генерал-майора барона Е. И. Меллера-Закомельского (2047 человек), 32-я батареинная рота 3-й резервной артиллерийской бригады (217 человек и 12 орудий), 7-я конная рота той же бригады (222 человека и 12 орудий), 1-я и 2-я батареи лейб-гвардии конной артиллерии (291 человек и 16 орудий), всего 11620 человек и 114 орудий⁷. Кроме того, Дохтурову были переданы из авангарда 5 донских казачьих полков (полковников Сысоева 3-го, Ягодина 2-го, Чернозубова 4-го, майора Ежова 2-го и войскового старшины Кутейникова 6-го) под общим начальством полковника В. С. Сысоева 3-го⁸. Вместе с этой иррегулярной конницей отряд, назначенный в экспедицию против Бруссье, насчитывал более 13000 человек*.

10 октября 1812 г. принц Евгений Богарнэ выдвинул 14-ю пехотную дивизию генерала Бруссье и половину легкой кавалерии IV армейского корпуса к селу Котову, а 13-ю дивизию, усиленную тремя кавалерийскими полками, выслал по дороге на Боровск. Отряд, направленный к Боровску, возглавил генерал Алексис-Жозеф Дельзон, командир 13-й пехотной дивизии. Этот 37-летний уроженец Оверни имел репутацию храброго воина, скромного человека и заботливого начальника. За 21 год своей военной службы, которую он начал рядовым волонтером, он участвовал во многих кампаниях – в Восточных Пиренеях, Италии, Тироле, Египте, Австрии, Далмации, Черногории и, наконец, в России.

В 7 часов утра отряд Дельзона (16 батальонов пехоты, 2 батареи полевой артиллерии, 1 саперная рота и 3 полка легкой кавалерии, всего около 5000 человек при 22 орудиях) выступил из Фоминского на Боровск. Его авангард, состоявший из 200 всадников 6-го баварского шволежерского (легкоконного) полка «Бубенхофен» и одного батальона 92-го французского линейного полка, встретив за деревней Мальково сотню казаков, отбросил ее и очистил от мелких русских партий густой лес, тянувшийся на 4 километра вдоль Боровской дороги. При выходе из этого леса, у деревни Митяево, французы и баварцы обнаружили главные силы конницы генерала Дорохова (Дельзон в своем рапорте от 10 (22) октября утверждал, что здесь было «около 3000 казаков», однако это явное преувеличение). Баварские шволежеры тотчас атаковали казаков, в то время как батальон 92-го линейного полка по приказанию генерала Дельзона вступил в деревню, позади которой находилось в резерве около двух русских эскадронов. Пройдя Митяево, французские пехотинцы открыли огонь по коннице Дорохова и заставили ее поспешно отступить.

В 15 часов 30 минут генерал Дельзон остановил свой отряд, чтобы разбить бивак и готовиться к ночлегу, но в это время прибыл адъютант вице-короля бригадный генерал А. Джиффленга, ко-торый привез приказание Евгения Богарнэ идти дальше до самого Боровска. Дивизия Дельзона немедленно выступила к указанному городу, двигаясь тремя колоннами. Впереди следовал 6-й баварский шволежерский полк, а слева от дороги – 13-я легкая кавалерийская бригада, которой командовал бригадный генерал Дж. Вил-лата*. Пройдя еще 8 километров по равнине, французы снова увидели русскую конницу (согласно рапорту Дельзона –

* В октябре 1812 г. казачьи полки в среднем имели по 300 всадников, так что общая численность отряда Сысоева 3-го могла составлять около 1500 человек.

* Бригада Виллаты, состоявшая из 2-го и 3-го итальянских конноегерских полков, принадлежала к кавалерийской дивизии IV армейского корпуса. Она прибыла в Фоминское из Москвы вместе с основной частью корпуса Богарнэ.

«более 500 казаков»)** . Подойдя ближе к Боровску, генерал Дельзон приказал командиру 6-го баварского шволежерского полка полковнику К. Ф. фон Дицу атаковать казаков, что и было исполнено с полным успехом. Потеряв несколько человек убитыми и 10-12 пленными, казаки бежали в город, по пятам преследуемые баварцами. Вслед за баварским полком в Боровск вступила кавалерийская бригада Виллаты, а за ней – пехотная бригада генерала Л. Бертрана де Сиврэ (1-я бригада 13-й дивизии), двигавшаяся по большой дороге ускоренным шагом. В 6 часов вечера генерал Дельзон, остановившийся на ночь в Боровске, отправил вице-королю рапорт о своих действиях в этот день. Основные силы французского отряда встали лагерем под городом, а в самом Боровске, покинутом жителями, поставлены для охраны 2 батальона пехоты*. По распоряжению Дельзона лучшие дома этого небольшого городка были подготовлены для расквартирования императора и вице-короля**9.

В тот же день в с. Фоминское, где оставался штаб вице-короля вместе с итальянской гвардией, прибыли главная квартира Наполеона, императорская гвардия и корпус Даву. Пехотная дивизия Морана и большая часть резервной кавалерии Мюрата двинулись по проселочной дороге к Фоминскому, в то время как маршал Ней с III армейским корпусом, дивизией Клапареда, IV кавалерийским корпусом генерала М.-В.-Н. Латур-Мобура и легкой кавалерией корпуса Даву по-прежнему находился на Старой Калужской дороге.

Приехав в Фоминское, Наполеон в сопровождении Мюрата и Даву, а также своего штаба, возглавляемого маршалом Л.-А. Бертье, сделал рекогносцировку местности влево от дороги на Боровск, но встретил лишь несколько казаков. В то время погода испортилась: дождь размыл дороги, поэтому движение французских войск и обозов, которым, к тому же, часто приходилось переправляться по узким и непрочным мосткам через многочисленные ручьи и речушки, было сильно затруднено.

Пока авангард французской армии двигался к Боровску, а главные силы сосредоточивались у Фоминского, русские войска начали задуманную накануне экспедицию. Отряд генерала Дохтурова выступил из Тарутинского лагеря утром 10 октября и, после трудного марша по плохой проселочной дороге, под мелким осенним дождем, прибыл к вечеру в с. Аристово, где и расположился на ночлег. Переход оказался таким тяжелым, что пришлось оставить по дороге все батарейные орудия, которые постоянно застревали в грязи и замедляли марш (это было сделано по предложению начальника штаба русской 1-й армии генерал-майора артиллерии А. Е. Ермолова, прикомандированного к отряду Дорохова). В 19 часов генерал Дохтуров отправил Кутузову донесение о своем намерении продолжить ночью свой марш от Аристова до с. Деднево, в полуверсте от которого находился летучий отряд Дорохова, имея в пяти верстах от себя передовые войска неприятеля. От Дорохова начальник экспедиционного корпуса узнал, что французы имеют в Котове 8-10 батальонов пехоты с кавалерией, а на Боровской дороге, около с. Митяево – 2000 человек пехоты. «Все силы, которые видел г.-м. Дорохов в означенных местах, – писал Дохтуров фельдмаршалу, – уверяет он, не превосходят 8000 или 9000. Замечено также им (Дороховым), что около Фоминского и за р. Нарою при оном селении есть бивуаки и видны огни и артиллерия, но по причине лесистых весьма мест, сил неприятеля определить невозможно. Я ожидаю известие от партизанов наших гг. Сеславина и Фигнера, находящихся на той стороне р. Нары и если получают они сведения о неприятеле и будет возможно атаковать его, я сие сделаю и ничего не упущу, чем воспользоваться можно, если точно не узнаю о силах неприятеля в Фоминском стоящих и которые уже сверх тех 8000 или 9000 примеченных г.-м.

** Вероятно, это был донской казачий полк подполковника Власова 3-го (из отряда Дорохова).

* Некоторые отечественные авторы, писавшие о событиях 1812 г. под Малоярославцем (в частности В. Глинка и И. Безсонов), утверждали, будто в тот же вечер 10 октября передовые батальоны дивизии Дельзона дошли от Боровска до Малоярославца и хотели захватить последний, однако местные жители во главе с городничим П. И. Быковским сожгли мост через Лужу, а когда французы пытались строить новую переправу, некий С. И. Беляев, занимавший место повытчика малоярославского нижнего земского суда, по собственной инициативе спустил воду в мельничной плотине, вследствие чего французские понтоны были снесены потоком, а левый берег Лужи временно затоплен¹⁰. Вокруг этих подвигов, основанных исключительно на непроверенных устных преданиях, строится целая теория о роковой задержке французов под Малоярославцем на целые сутки. Увы, эта версия не подтверждается фактами. Документы, в частности рапорт генерала Дельзона, свидетельствуют, что 10 (22) октября 1812 г. французы дошли только до Боровска и под Малоярославцем появились лишь на следующий день.

** Боровск, также как и расположенный вблизи него Пафнугтевский монастырь были разграблены французами. Жители в панике покинули город и бежали частью в окрестные деревни, частью – в Малоярославец, куда принесли известие о наступлении неприятеля. При этом большинство построек в городе было охвачено пожаром и сгорело (по местным преданиям, из 800 домов в Боровске уцелело немногим более сотни)¹¹.

Дороховым, тогда по точному воли в. с. смыслу, не вдаваясь в сражение, могущее много стоить и между тем не верное, воздержусь от атаки»¹².

Вскоре после этого в Аристово пришло известие, переменившее все намерения Дохтурова. К авангарду Дорохова прискакал капитан А. Н. Сеславин, который донес, что его партия*, укрывшись в лесу не доходя 4 версты до Фоминского, обнаружила крупные силы французских войск, в том числе самого Наполеона с гвардией. Пропустив их мимо своего отряда, Сеславин захватил в плен несколько отсталых солдат и одного из них (гвардейского унтер-офицера) привез с собой к Дорохову. Пленный гвардеец дал ценные показания, сообщив, в частности, что Москва оставлена французами, и Наполеон, чья главная квартира завтра будет переведена в Боровск, намерен идти со своей армией к Малоярославцу. Эта важнейшая информация была немедленно передана в Аристово, и в 21 час. 30 минут генерал Дохтуров отправил Кутузову соответствующее донесение, доставленное в Леташевку дежурным штаб-офицером 6-го пехотного корпуса майором Д. Н. Бологовским**¹³.

Открытие Сеславина решающим образом повлияло на весь ход дальнейших боевых действий. «Если бы партизан Сеславин, – писал в своих «Записках» генерал Ермолов, – не мог предупредить заблаговременно, 6 пехотный корпус и прочие с ним войска при атаке села Фоминского понесли бы неизбежно сильное поражение, и был бы Малоярославец беспрепятственно занят неприятелем»¹⁵. Дохтуров отказался от нападения на Фоминское и остался на ночь в Аристове. У него не было времени дожидаться ответа из Главной квартиры на свое донесение, поскольку французы могли в этом случае опередить русских в Малоярославце. Поэтому он принял предложение генерал-майора Ермолова идти с рассветом обратно и, присоединив к войскам оставленную сзади батареиную артиллерию, двинуться как можно быстрее к Малоярославцу. В то же время, желая лучше узнать о силах и намерениях противника, Дохтуров выслал в сторону Боровска 1-й кавалерийский корпус генерал-майора барона Е. И. Меллера-Закомельского (лейб-гвардии Драгунский, Уланский, Гусарский полки и 1-й казачий полк Тульского ополчения, всего 24 эскадрона), которому были приданы 7-я конная артиллерийская рота полковника А. П. Ни-китина и 5 донских казачьих полков полковника В. С. Сысоева 3-го*. Вместе с этой конницей отправился и генерал-майор А. П. Ермолов, впоследствии описавший ее действия 11 октября в своих «Записках».

«Гуманно было утро, – вспоминал Алексей Петрович, – и не рано начали проясняться предметы. Мы увидели Боровск, окрестности его, занятые войсками и артиллерию в больших силах; часть пехоты, вышедшую из города по почтовой дороге; по речке Протве во многих местах конные пикеты, которые тотчас сбиты, но подкрепленные скрытыми в лесу резервами, усилили перестрелку. Генерал барон Меллер, хотя и не желал для краткости дня завязать дело, принужден был однако же послать часть войск и половину артиллерийской роты. Проскакавши с версту молодым березником, еще сохранившим лист, представилась нам невдалеке почтовая из Боровска дорога и на ней бивак армии итальянского вице-короля Бвгения и французский корпус маршала Даву. Не теряя времени возвратились мы на левый берег речки Протвы»¹⁶.

Войска Наполеона 11 октября 1812 г. продолжили свое движение по Новой Калужской дороге. В 8 часов утра из Фоминского французский император через своего начальника штаба маршала Бертье послал принцу Евгению Богарнэ, на рассвете выехавшему в сторону Боровска, письменный приказ, касающийся действий авангарда на 11 октября. «Ваше Высочество, – писал маршал Бертье вице-королю, – предупреждаю Вас, что дивизии Бруссье и Орнано выступили в два часа утра (из Котова к Боровску. – А. В.); князь Экмюльский (маршал Даву. – А. В.) и гвардия двигаются на Боровск. Держите в резерве в Боровске III кавалерийский корпус и отправьте итальянскую кавалерийскую бригаду, дивизию генерала Орнано, итальянскую гвардию, все под командой генерала Дельзона, в Малоярославец. Как только голова кавалерии императорской гвардии прибудет в Боровск, головные части III кавалерийского корпуса, дивизия Пино (15-я пехотная. – А. В.), итальянская гвардия, дивизия Бруссье двинутся вперед в промежуток между Боровском и Малоярославцем»¹⁷.

Выполняя приказание Наполеона, авангард IV армейского корпуса, возглавляемый генералом Дельзоном, выступил в 11 часов утра 11 октября из Боровска на Малоярославец. В

* Партия Сеславина тогда насчитывала около 700 человек, так как еще 9 октября была усилена двумя эскадронами Ахтырского гусарского полка.

** Дохтуров в рапорте от 14 октября 1812 г. сообщал Кутузову, что Сеславин донес о своем открытии не в 21 час. 30 минут, а в 23 часа. Ермолов утверждал, что это произошло, когда «давно прошла полночь»¹⁴.

* Примерная численность всего высланного к Боровску отряда составляла около 3700 человек при 12 орудиях.

голове его, как и накануне, двигались три полка легкой кавалерии (около 600 всадников), за которыми следовала 1-я бригада 13-й пехотной дивизии, состоявшая из 92-го и 106-го полков французской линейной пехоты (всего 8 батальонов и 4 трехфунтовые пушки полковой артиллерии). Сделав переход в 21 километр, авангард Дельзона около 6-ти часов вечера прибыл к Малоярославцу, лежавшему на правом берегу речки Лужи¹⁸.

В то время Малоярославец представлял собой маленький городок, население которого насчитывало всего около 1500 человек. В городе имелось только 200 домов, в подавляющем большинстве деревянных, а также несколько церквей* и один монастырь (Николаевский, называемый также Черноострожским)¹⁹. Местоположение Малоярославца способствовало его обороне, т. к. он находился на крутом и высоком правом берегу р. Лужи, изрезанном, к тому же, глубокими и обрывистыми оврагами. Один из таких оврагов, по дну которого протекал впадавший в Лужу ручей Ярославка, отделял основную часть города от его восточного предместья – так называемой Спасской слободы. Вокруг Малоярославца, примыкая к городским постройкам, простирались огороженные заборами сады, главным образом вишневые. Левый берег Лужи, в отличие от правого, был низменным (там находились заливные луга) и прекрасно просматривался со стороны города. Километрах в двух к северу от Малоярославца местность возвышалась, образуя т. н. Бунину гору. Спускаясь с этой горы на луг, большая дорога, ведущая из Боровска, проходила на правый берег Лужи по деревянному мосту, а затем, поднявшись в верхнюю часть города, пересекала его и шла дальше на юго-запад, в сторону Калуги. Кроме почтового тракта, связывавшего Малоярославец с Калугой, от него отходило несколько проселочных путей, в том числе дороги на Медынь, Серпухов и Леташевку.

Когда передовые французские части приблизились к Малоярославцу, они обнаружили мост через Лужу разрушенным. Жители города еще накануне были извещены от беглецов о занятии Боровска неприятелем. Городские власти (в том числе городничий П. И. Быковский) после 9 часов утра 11 октября уехали из Малоярославца, и население, охваченное паникой, последовало за ними. При этом жители разобрали настил моста через Лужу, чтобы затруднить французам переправу на ее правый берег. В тот же день к Малоярославцу прибыл отступивший из-под Боровска донской казачий полк Власова 3-го (из летучего отряда Дорохова). Еще раньше к казакам этого полка перебежал один баварец, давший показание о силе авангарда генерала Дельзона, выступившего по Боровской дороге на Малоярославец. Отправив перебежчика в сопровождении двух казаков в Главную квартиру русской армии, подполковник М. Г. Власов 3-й отступил со своим полком к Малоярославцу, где переправился через Лужу. Вечером он отправил Кутузову донесение, в котором сообщал, что неприятель «пришел уже к Малому-Ярославлю (Малоярославцу. – А. В.), близ которого по переправе через реку и я с полком при дороге Серпуховской остановился»²⁰.

Разрушение моста через Лужу не помешало французам перейти реку и занять Малоярославец. Для этого они использовали мельничную плотину, находившуюся в 500 м выше моста. По приказу генерала Дельзона солдаты приступили к восстановлению разобранного моста, а два батальона 1-й бригады 13-й пехотной дивизии (вероятно из 92-го линейного полка) по узкой плотине переправились на правый берег Лужи и вступили в пустой город. Эти два батальона разместились на ночлег в верхней части Малоярославца, заняв Калужскую заставу и выставив посты на дорогах, выходящих из города. Шесть других батальонов 1-й бригады своей дивизии генерал Дельзон оставил ночевать на левом берегу Лужи, на лугу (напротив разрушенного моста и мельничной плотины). Восемь батальонов 2-й бригады 13-й пехотной дивизии остановились в двух километрах позади передовых частей, разбив свой би-вак на Буниной горе, у Боровской дороги²¹. Кавалерия французско-го авангарда также разместилась сзади, чтобы поддерживать связь отряда Дельзона с остальными войсками Богарнэ. Последние в этот день продвинулись к югу от Боровска и расположились пошелонно на дороге, ведущей в Малоярославец. Сам принц Евгений со своим штабом и итальянской гвардией заночевал в селе Уваровском.

Такая дислокация авангарда наполеоновской армии объяснялась не только отсутствием хорошей переправы через Лужу, но и неопределенностью обстановки. Наполеон 11 октября прибыл с гвардией и корпусом Даву в Боровск и провел весь вечер в разъездах, осматривая окрестности. Замеченная вблизи города неприятельская кавалерия (корпус барона Меллера-Закомельского) заставила французского императора предположить, что русские крупными силами

* В Малоярославце в 1812 г. было три каменных церкви: Соборная, Иоанна-Предтеченская и Успенская; кроме того, на Спасской слободе стоял деревянный Спасо-Преображенский храм, сгоревший во время сражения 12 октября.

собираются атаковать его войска, собранные у Боровска. Опасаясь этого, он не хотел слишком далеко отдалять от Боровска корпус вице-короля. «Я буду рад, если генерал Дельзон захватит этот городок (Малоярославец. – А. В.)», – написал Наполеон принцу Евгению Богарнэ вечером 11-го числа, и тут же добавил: «Вы можете дать ему (Дельзону) инструкцию, что когда он услышит сильную канонаду, он должен будет возвратиться, чтобы принять участие в сражении»²². Однако в том случае, если сражение не произойдет, Малоярославец надо было удерживать, поэтому в ночь на 12 октября (в 3 часа 30 минут) маршал Бертье послал вице-королю еще одно приказание Наполеона. «Ваше Высочество, – писал начальник Главного штаба Великой армии, – император предполагает сегодня подтянуть все обозы армии и посмотреть, что хочет предпринять противник; достаточно устроиться в Малоярославце, навести через реку два или три моста и сосредоточить силы. Вышлите днем дивизию Бруссье занять позицию в Городне (деревне, лежащей на Боровской дороге в 7 километрах от Малоярославца. – А. В.), то есть на половине дороги от вашего расположения до позиции генерала Дельзона. Необходимо, чтобы вы дали ему немного кавалерии, чтобы он осветил свой левый фланг со стороны реки. Будьте наготове двинуться с остальным корпусом куда понадобится и выступить по первому приказанию. Император поручает мне сказать вам, что вы должны предупредить генерала Дельзона, и что он должен принять самые тщательные военные предосторожности, забаррикадировать все выходы из несгоревшей части городка, чтобы затруднить доступ в него. Пришлите императору донесение о том, что удастся разведать к рассвету. Вышлите нескольких офицеров для сбора большого числа отсталых вашего корпуса, находящихся в тылу»²³.

В то время, когда Наполеон ожидал нападения русских войск в районе Боровска, экспедиционный корпус генерала Дохтурова, выступив из Аристова утром 11 октября*, прибыл в 9 часов вечера к селу Спас-Загорье (или Спасское) на реке Протве. Отсюда, перейдя на правый берег Протвы, он должен был следовать к Малоярославцу. К удивлению Дохтурова, обычно мелкая и легко проходимая вброд речка оказалась полноводной и глубокой, так что пришлось строить через нее два моста на плотках. По свидетельству начальника русского корпуса подъем воды в Протве был вызван тем, что «жители, узнав о занятии неприятелем Боровска, истребили бывшую здесь плотину»^{**24}. Строительство мостов заняло целых пять часов, задержав тем самым продвижение отряда Дохтурова от Спас-Загорья на Малоярославец.

В 11 часов вечера к Спас-Загорью подошел донской атаман М. И. Платов с 15-ю казачьими полками^{***}, ротой Донской артиллерии и большей частью 20-го егерского полка. Эти казаки были присланы на подкрепление Дохтурова из Тарутинского лагеря по приказанию Кутузова²⁷. Фельдмаршал, получив донесение Дохтурова, отправленное с майором Бологовским из Аристова, а также рапорт генерала от инфантерии М. А. Милорадовича, командовавшего русским авангардом на Старой Калужской дороге, понял, что Наполеон оставил Москву и пошел на Калугу через Малоярославец. Он отправил Дохтурову приказание идти к Малоярославцу, которое впрочем было уже запоздалым, так как тот еще раньше двинулся к этому пункту, а сам стал готовить армию к выступлению. Вечером 11 октября главные силы Кутузова покинули Тарутинский лагерь и двумя колоннами направились к Спас-Загорью. Правая колонна, состоявшая из 20 эскадронов 2-й кирасирской дивизии, двинулась от Леташевки через Поливаново и Кривошеино, а левая, которую образовали 3-й, 5-й, 7-й и 8-й пехотные корпуса и 1-я кирасирская дивизия, – через Баев-Колодезь и Угодский железный завод²⁸. В Спас-Загорье обе колонны должны были соединиться и, переправившись у этого села через Протву, следовать далее к Малоярославцу на помощь отряду Дохтурова. Авангард Милорадовича (2-й и 4-й пехотные, 2-й, 3-й и 4-й кавалерийские корпуса и часть казаков) должен был пройти через Тарутино, а затем следовать за главными силами Кутузова²⁹.

* По свидетельству А. П. Ермолова Дохтуров выступил из Аристова на рассвете, а по показанию И. П. Липранди, случившегося в 1812 г. в штабе 6-го пехотного корпуса, – в 11 часов утра²⁵.

** И. Безсонов в своей книге доказывает, что повышение уровня воды в Протве произошло от того, что свою плотину на реке Луже распрудили жители Малоярославца. Поток воды, поднявшись по течению Лужи, попал в Протву и заполнил ее русло у Спас-Загорья. В то же время разрушенные плотины на Протве жителями Спас-Загорья не имели смысла, поскольку никак не могло помешать французам переправиться у Малоярославца²⁶.

*** Под начальством Платова в Спас-Загорье прибыли 5 казачьих бригад: генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го (полки Сучилина, Иловайского 10-го и Иловайского 11-го), полковника Г. Д. Иловайского 9-го (полки Иловайского 9-го, Слюсарева 1-го, Шамшева и Траилина), генерал-майора А. В. Иловайского 3-го (полки Иловайского 3-го, Кошкина 1-го и Грекова 12-го), генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го (полки Грекова 1-го, Попова 3-го и Ребрикова 3-го) и генерал-майора Б. Грекова 3-го (полки Грекова 3-го и Белогородцева 1-го).

Когда казачьи полки Платова поздно вечером 11 октября прибыли в Спас-Загорье, они не стали дожидаться постройки мостов и переправились через Протву вброд, перевезя на своих конях егерей 20-го полка. Опередив остальные войска, казаки устремились к Малоярославцу и еще ночью подошли к этому городу. Уже под утро 12 октября к корпусу Дохтурова присоединились 1-й кавалерийский корпус барона Меллера-Закомельского, летучий отряд Дорохова и партия Сеславина, прибывшие от Боровска*. Казаки полковника Сысоева 3-го, ранее сопровождавшие кавалерию барона Меллера-Закомельского, тотчас поспешили вперед, чтобы соединиться со своими товарищами из отряда Платова, уже находившимися под Малоярославцем.

Французские батальоны, ночевавшие в оставленном жителями Малоярославца, еще спали, когда мимо города в темноте проследовали казачьи полки под командой донского атамана М. И. Платова (примерно 7-8 тысяч всадников). Эти казаки расположились затем вдоль правого берега Лужи северо-западнее Малоярославца, между деревнями Карижа и д. Панское.

Генерал Дохтуров, чьи войска в 2 часа утра 12 октября переправились через Протву у Спас-Загорья и с максимальной скоростью шли к Малоярославцу, узнал, что французы занимают последний незначительными силами. Остановив свою колонну в трех километрах от города, он выслал для его захвата егерей из отряда генерал-майора И. С. Дорохова. В то же время конница Дорохова и партия Сеславина (8 эскадронов гусар и 4 донских казачьих полка) встали у деревни Чуриково, на правом берегу Лужи (ниже Малоярославца).

Для атаки города, занятого, как уже было сказано, двумя батальонами французской пехоты (вероятно из 92-го линейного полка 1-й бригады 13-й пехотной дивизии), Дохтуров назначил 33-й егерский полк полковника А. И. Бистрома 2-го, поддерживаемый 6-м егерским полком. 33-й полк имел в своем составе 3 батальона и насчитывал, вместе с офицерами, 1012 человек³¹. В предраусветных сумерках полковник Бистром, которого солдаты на русский манер называли Быстровым, бросился со своим полком в Малоярославец. Французские часовые, обнаружив наступление русских егерей, подняли тревогу, и оба батальона, находившиеся в городе, успели приготовиться к бою. Они имели в строю всего 500-600 штыков, то есть в полтора-два раза меньше, чем атаковавший их русский полк.

Около 5 часов утра батальон 33-го егерского полка, находившийся под командой подполковника Углицкого пехотного полка Венюкова, первым ворвался в город и стремительным ударом в штыки опрокинул колонну французской пехоты. Этому успеху способствовал другой батальон полка, возглавляемый подполковником С. Е. Буссовым, в то время как третий батальон (майора Х. Л. Бреверна 2-го) подкреплял атакующих, оставаясь в резерве³². Егеря Бистрома отеснили неприятеля до нижней части Малоярославца, но не смогли полностью овладеть городом. Остановив русских у Никольских ворот, французы удержали в своих руках важный плацдарм и обеспечили переправу подкреплений. По набросанным на мост кладкам на правый берег Лужи перешли еще 6 батальонов французской пехоты и были перевезены 2 орудия. Теперь в городе собралась вся 1-я бригада дивизии Дельзона, во главе с бригадным генералом Л. Бертрамом де Сиврэ. Составляющие ее 92-й и 106-й линейные полки, которыми командовали соответственно полковник Тиссо и майор Рикар, имели каждый по 4 батальона и насчитывали вместе около 2000 человек.

Получив численный перевес, французы отеснили егерей полковника Бистрома на окраину Малоярославца, однако на помощь 33-му полку пришел 6-й егерский полк под командой полковника А. С. Глебова 1-го. Это был один из самых прославленных полков русской легкой пехоты. В 1799 г., имея своим шефом генерал-майора князя П. И. Багратиона, он участвовал в Итальянском и Швейцарском походах Суворова. Именно тогда, при Лекко, Сан-Джулиано, Треббии, Нови, Сен-Готарде, Нефельсе и Неттстале полк впервые встретился с французами, показав им как меткость своего огня, так и силу штыкового удара. В 1805 г., действуя в Австрии против лучших войск Наполеона, он храбро сражался с ними в боях при Ламбахе, Амштеттене, Кремсе и Шенграбене, причем за отличие в последнем был награжден двумя георгиевскими

* В ночь на 12 октября конницу барона Меллера-Закомельского догнала команда казаков, которая еще днем 11-го числа была послана на разведку к Малоярославцу. «Войска Донского храброго Сысоева полка избранному расторопному офицеру, – вспоминал генерал-майор Ермолов в своих «Записках», – приказал я с несколькими казаками неприятельским берегом (т. е. правым берегом Протвы. – А. В.) доехать до Малоярославца, узнать, что происходит в городе, и ночью отыскать нас на возвратном пути к генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догнал он нас и донес, что мост через речку Лужу у самого Малоярославца разобран жителями, с которыми он переговаривался через речку. От атамана Платова прислан в город разъезд казаков. У моста стоят три батальона неприятельской пехоты. В девять часов утра (11 октября. – А. В.) городничий и другие гражданские чиновники были при своих местах, но вскоре потом удалились, и в городе большое смятение»³⁰.

трубами. Потом были еще победы над турками на Дунае и, наконец, Отечественная война 1812 г., в начальный период которой 6-й егерский полк, входивший в состав 12-й пехотной дивизии, подтвердил свою высокую боевую репутацию под Салтановкой, Смоленском и Бородино. В сентябре 1812 г., пополненный егерями расформированного 41-го полка и рекрутами, он был увеличен с двух действующих батальонов до трех. Накануне сражения при Малоярославце 6-й егерский полк насчитывал 1490 человек, однако в его рядах оставалось уже немного ветеранов предыдущих кампаний: более 60% нижних чинов полка составляли ратники Московского ополчения и необстрелянные рекруты³³.

6-й егерский полк весьма своевременно поддержал выбитых из города егерей Бистрома. Он атаковал французов с такой отвагой, что заставил их отступить до самого городища (то есть до искусственно созданной насыпи, возвышавшейся между р. Лужей и стенами Николаевского монастыря). Начальник Главного штаба 1-й армии генерал-майор артиллерии Ермолов, который с самого начала боя находился при отряде Дорохова, отмечает в своем ра-порте от 30 октября 1812 г., что «6-й егерский полк отеснил неприятеля, но не уничтожил, и неприятель сохранил способность вводить в город войска»³⁴.

В это время к Малоярославцу приблизились главные силы Дохтурова. 6-й пехотный корпус (7-я и 24-я пехотные дивизии под начальством генерал-лейтенанта П. М. Капцевича и генерал-майора Б. Б. Фока 1-го) образовал центр и левое крыло войск Дохтурова, расположившись по обеим сторонам Калужской дороги (на Марьинских и Терентьевских полях). На правом фланге, отделенном от центра почти на 1,5 километра, находилась пехота отряда генерал-майора И. С. Дорохова, часть которой (два егерских полка) уже вела бой в городе. Командующим этими войсками, стоявшими ближе всех к Малоярославцу, Дохтуров назначил генерал-майора А. П. Ермолова. Правее пехотных частей Дорохова разместилась конница его отряда, а позади них, занимая промежуток между пехотой правого крыла и центра, был поставлен 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Е. И. Меллера-Закомельского³⁵. Таким образом, под Малоярославцем сосредоточился весь отряд генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова (около 20000 человек при 120 орудиях)*, преградив французам путь на Калугу.

Понимая важность удержания Малоярославца до подхода основных сил армии Кутузова, генерал Дохтуров направил в город 19-й егерский полк. Шеф последнего, полковник Н. В. Вуич 1-й, принял начальство над двумя уже находившимися там полками. 19-й егерский полк, понесший огромные потери при Бородине, был в сентябре 1812 г. усилен рекрутами и ополченцами, а также влитыми в его состав егерями 40-го полка, так что к 11 октября 1812 г. в его двух батальонах насчитывалось 1278 человек (25 офицеров, 47 унтер-офицеров, 46 музыкантов и 1161 рядовой)³⁶. Вступив в Малоярославец около 6 часов утра, полк Вуича довел численность русских войск, занимавших город, до 3700 бойцов. Вместе с офицерами и солдатами 19-го егерского полка в бою за Малоярославец принял активное участие его полковой священник, отец Василий Васильковский, который с крестом в руке воодушевлял идущих в атаку егерей. За отличие в сражении 12 октября 1812 он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, став первым священником, получившим подобную награду. В представлении его к этому ордену сказано, что отец Василий «шел впереди полка и примером своего мужества поощрял воинов к быстрому поражению неприятеля, причем он получил рану в голову»³⁷.

Большую помощь защитникам города оказала русская конная артиллерия. На левом фланге 1-я конно-гвардейская батарея (8 орудий) под командой полковника П. А. Козена выдвинулась на высоту правого берега Лужи, откуда открыла меткий огонь по еще не вполне восстановленному французами мосту. В то же время конная рота № 7, действовавшая во главе со своим отважным командиром, полковником А. П. Никитиным, на правом фланге, заняла выгодную позицию на городском (Бессоновском) кладбище. С этого места ее орудия также могли обстреливать мост через Лужу, нанося большой урон находившимся там французским войскам³⁸.

Принц Евгений Богарнэ, который провел ночь в Уваровском, выехал на рассвете к Малоярославцу, эскортируемый пятью конными ротами Почетной гвардии, а также итальянскими драгунами полков гвардейского и Королевы. Войска IV корпуса Великой армии готовились

* Без учета казачьего корпуса Платова, состоявшего из 20 полков конницы, одного неполного егерского полка и одной роты Донской артиллерии (всего 8000-9000 человек и 12 орудий). Кроме того, в указанное число не вошли 2 батальона Бутырского пехотного полка (964 человека) и 2 орудия, оставленные в Спас-Загорье для охраны мостов через Протву.

* Отец Василий Васильковский был также ранен в ногу в июле 1812 г. (в сражении при Витебске), однако продолжал исполнять свои обязанности священника. Он умер от ран в 1814 г.

тронуться по боровской дороге на Малоярославец, когда впереди послышались звуки канонады. Желая как можно скорее узнать причину последней, принц Евгений пустил своего коня в галоп и поскакал к городу, сопровождаемый своим штабом и личным конвоем. 14-я и 15-я пехотные дивизии, коро-левская гвардия и кавалерия Орнано получили от него приказание как можно скорее следовать на помощь дивизии Дельзона.

Не доезжая Малоярославца, вице-король Италии встретил офицера посланного к нему генералом Дельзоном с сообщением о нападении русских на город. Когда Богарнэ спустился с Буниной горы к р. Луже, к нему подъехал с устным рапортом сам генерал А.-Ж. Дельзон. В это время на правом берегу Лужи действовала только 1-я бригада дивизии Дельзона, сохранившая в своих руках городище, Николаевский монастырь и расположенный напротив последнего, на другой стороне оврага, по которому проходила Боровская дорога, почтовый дом. Однако, 92-й и 106-й линейные полки уже истекали кровью, неся тяжелые потери от огня русской артиллерии, занимавшей выгодное расположение на высотах. Генерал Дельзон хотел поддержать их батальонами своей 2-й бригады, однако принц Евгений Богарнэ счел это решение преждевременным, т. к. свежие дивизии, спешившие на подмогу, находились еще слишком далеко³⁹.

Тем временем на помощь русским егерям, сражавшимся в Малоярославце, пришел батальон Вильманстрандского пехотного полка. Командир вильманстрандцев майор А. Ф. Астафьев в 7 часов утра получил приказание вступить в дело (оно было пере-дано ему адъютантом начальника 7-й пехотной дивизии прапор-щиком 11-го егерского полка Парисом). Он немедленно выслал в город 1-й батальон своего полка (под командой майора фон Дрен-тельна), а сам с 3-м батальоном пошел налево, чтобы обеспечить прикрытие поставленной западнее Малоярославца батареей роты № 7, возглавляемой капитаном Турчаниновым. Здесь к батальону майора Астафьева присоединился 3-й батальон Полоцкого пехотного полка под командой капитана И. Колесникова⁴⁰.

Вместе с батальоном Вильманстрандского пехотного полка численность русской пехоты, дравшейся в Малоярославце, превысила 4000 человек. Французской бригаде генерала Бертрана де Сиврэ, имевшей вдвое меньше бойцов, было все труднее выдерживать натиск егерей полковника Вуича и огонь русской артиллерии, стрелявшей с возвышенных позиций. Наконец, принц Евгений Богарнэ решил, что настал момент поддержать части, находившиеся в городе. Около 8-ми часов утра он разрешил генералу Дельзону переправить на правую сторону Лужи 2-ю бригаду 13-й пехотной дивизии. Эта бригада, ночевавшая в двух километрах от Малоярославца, с началом боя была придвинута к городу, но не переходила за реку, оставаясь в резерве. Теперь настал ее черед. В состав бригады, которую возглавлял бригадный генерал Ж. Серран, входили 8-й легкий, 84-й линейный и 1-й сводный хорватский полки под командой майора Массона, полковников Пего и Сливарица, всего 8 батальонов, насчитывавшие около 3500 человек. Самым знаменитым из ее полков был 84-й линейный – единственный во французской армии, имевший на древке своего знамени (ниже подставки «орла») особую пластинку с надписью «Un contre dix» («один против десяти»). Этот девиз полк получил от императора Наполеона за бой в Санкт-Леонарде (предместье города Граца) 25 и 26 июня (нового стиля) 1809 г., в котором два его батальона (около 1300 штыков) с успехом сражались против 10000 австрийцев.

Дивизионный генерал Дельзон лично повел 2-ю бригаду своей дивизии в бой. Перейдя по мосту через Лужу, ее батальоны поднялись по большой дороге, ведущей по дну оврага, к Николаевскому монастырю, а затем продвинулись по Боровской улице до Соборной площади. Очистив ее от русской пехоты, французы вышли к Калужской заставе и захватили всю западную часть Малоярославца. В то же время 1-я бригада дивизии Дельзона, взобравшись по глубокому оврагу, отделявшему Спасскую слободу от остального города, выбила егерей полковника Бистрома из восточного предместья и прилегающих к нему садов.

Генерал Дохтуров, желая подкрепить пехотные части, оспаривавшие город у неприятеля, направил в распоряжение Ермолова 11-й егерский полк из 7-й пехотной дивизии. 1-й и 3-й батальоны 11-го егерского, пополненные егерями расформированного 34-го полка, имели в своем составе не менее 1300 бойцов (8 октября они насчитывали 1376 человек)⁴¹. Командовали ими майоры Старов и Лопухин, а весь полк возглавлял подполковник 34-го егерского полка Н. Ф. Каширинов. Прибыв к Малоярославцу, 11-й егерский полк тотчас устремился в контратаку, к которой присоединились ранее вытесненные из города полки и батальон вильманстрандцев. Под

звуки егерских рожков, с дружным криком «ура» русские ударили на французов. Начался уличный бой, в котором обе стороны сражались с большим ожесточением и упорством*.

Французский генерал А.-Ж. Дельзон, размахивая шпагой, воодушевлял своих солдат, оборонявших городскую заставу, когда русские стрелки, укрывшиеся за стеной кладбища, обрушили на французов град пуль. Три пули попали в Дельзона, причем одна из них, угодившая ему в лоб, сразила его наповал. Начальник батальона Жан-Батист-Антуан Жеро Дельзон, 25-летний брат генерала, с 1808 г. состоявший при нем адъютантом, бросился к убитому, чтобы поднять его тело, но при этом сам был поражен русской пулей, пробившей ему грудь**. В этом же эпизоде был тяжело ранен и другой адъютант генерала Дельзона, капитан Дюго⁴².

Гибель Дельзона поколебала ряды французов. Дрогнув они отступили от калужской заставы и центральной площади к Никольским воротам и Черноострожскому монастырю. Группы французских солдат, не выдержав огня и штыкового удара русской пехоты, бежали до самой реки. Однако городище и часть Спасской слободы остались по-прежнему в руках неприятеля.

Евгений Богарнэ, узнав о смерти Дельзона, поручив начальнику штаба IV корпуса бригадному генералу А.-Ш. Гийемино возглавить 13-ю пехотную дивизию и, приведя ее расстроенные части в порядок, восстановить положение. Гийемино, пользовавшийся заслуженной репутацией храброго и талантливого воина, с честью выполнил приказание вице-короля. Чтобы продержаться до подхода других дивизий корпуса Богарнэ, он приказал нескольким гренадерским ротам закрепиться в Николаевском монастыре, а так-же в двух каменных домах, расположенных недалеко от монастырских ворот*. Эти постройки, господствующие над оврагом, по которому проходила Боровская дорога, были приведены в оборонительное состояние. По замыслу генерала Гийемино французские отборные роты, укрывшись за их прочными стенами, должны были оставаться там даже в случае отхода к реке всей 13-й дивизии и обстреливать с тыла русские войска, пытающиеся ее преследовать. «События вскоре показали, – пишет итальянский офицер Цезарь де Ложье, – разумность и полезность этого распоряжения. Всякий раз, когда русские переходили за эти передовые посты, они обстреливались сзади, бежали в беспорядке, и наши опять возобновляли наступление, чтобы отбросить их окончательно»⁴³.

Ободрив части 13-й дивизии, потрясенные гибелью своего начальника, генерал Гийемино построил в колонну 2 батальона пехоты и двинулся с ними вверх по Боровской улице. Однако, в центре города он попал в трудное положение. Превосходящие силы русских охватили его справа и слева и отбросили к Николаевскому монастырю. Здесь французы дрались с необычайной стойкостью и сумели продержаться до тех пор, пока их не выручил батальон 106-го линейного полка, обошедший русских егерей с правого фланга. Тем временем остальные батальоны бригады Бертрана де Сиврэ ценой больших усилий сохранили под своим контролем прилегающую к реке часть Спасской слободы, в том числе и церковь Спаса.

Огонь русских батарей (7-й конной роты, находившейся в городе на Бессоновском кладбище, 1-й конно-гвардейской батарее и 7-й батареей роты, стоявших западнее Малоярославца) сильно досаждал французской пехоте, нанося ей тяжелый урон. Для противодействия этим орудиям на левом низменном берегу Лужи были поставлены две полевые батареи 13-й пехотной дивизии (8 орудий 9-й роты 2-го пешего артиллерийского полка и 6 орудий 2-й роты 4-го конно-артиллерийского полка). В свою очередь, генерал Ермолов получил от Дохтурова еще одну роту тяжелой артиллерии (32-ю батарейную подполковника Ф. И. Беллинсгаузена). Большая часть последней разместилась западнее Малоярославца на холме, с которого хорошо простреливался мост через Лужу, а также мельничная плотина. Два орудия этой же роты (под командой поручика Потемкина) были введены внутрь города и с успехом действовали против трех французских пушек, стоявших на берегу реки около моста⁴⁴.

Пока 13-я пехотная дивизия французов вела неравный бой за Малоярославец, принц Евгений Богарнэ одного за другим посылал своих адъютантов и ординарцев к остальным войскам IV корпуса, чтобы поторопить их движение по дороге из Боровска. Цезарь де Ложье вспоминает в своем дневнике, как к колоннам королевской гвардии, направлявшейся к Малоярославцу, подъехал адъютант вице-короля, начальник эскадрона Лабедуайер, которого принц Евгений послал к императору с отчетом о ходе боя. ««Спешите, храбрые итальянцы, – сказал этот офицер, обращаясь к гвардейцам, – вице-король ждет вас с нетерпением. Ваши товарищи в опасности, если

* Силы сторон были почти равны: около 5500 русских против 4500 французов.

** Эта рана оказалась смертельной, и начальник батальона Дельзон умер на шестой день после сражения (18 (30) октября 1812 г.).

* Кроме того, французские стрелки заняли деревянную церковь, стоявшую на Спасской горе.

вы не подоспеете вовремя. Не теряйте случая выказать вашу отвагу!». На эти слова, передаваемые из уст в уста, – пишет Ложье, – все батальоны отвечают радостными криками – предвестниками победы. Колонны уже не идут; они летят, но с какой быстротой не ведут нас наши вожди, нам все кажется, что мы идем недостаточно быстро. Раздаются воинственные песни; радость заставляет нас забыть об усталости»⁴⁵.

Первой к Малоярославцу подошла 14-я пехотная дивизия генерала Ж.-Б. Бруссье, вместе с которой следовали три полка легкой кавалерии (9-й и 19-й французские конноегерские, составлявшие 12-ю легкую кавалерийскую бригаду генерала К.-Р. Гюйона, и 3-й баварский шволежерский из дивизии генерал-майора графа М. фон Прейзинга). В 11-м часу пехота Бруссье проследовала по боровской дороге к р. Луже и развернулась на ее левом берегу у моста. Сопровождавшие ее кавалерийские части остановились на возвышенности в 3 км от города, соединившись там с 6-м полком баварских шволежеров, прибывшим к Малоярославцу еще накануне вместе с пехотой Дельзона. Впереди них, стоя по обеим сторонам дороги, находились прикомандированные к 13-й пехотной дивизии 2-й и 3-й итальянские конноегерские полки 13-й легкой кавалерийской бригады под командой бригадного генерала Дж. Виллаты. Баварские шволежеры 21-й легкой кавалерийской бригады (из дивизии Прейзинга) развернулись поперек Боровской дороги, фронтом к Малоярославцу, построенные в линию эскадронных колонн. Позади них, в таком же боевом порядке, встала французская конноегерская бригада Гюйона⁴⁶. Эта конница, объединенная под начальством дивизионного генерала Ф. Орнано, была сосредоточена при выходе из леса, покрывавшего южную подошву Буниной горы. За лесом, в 4 км от позиции, занимаемой кавалеристами Орнано, разместился обоз корпуса Богарнэ. Он был поставлен в виде вагенбурга левее (восточнее) Боровской дороги, впереди д. Мелечкино. Справа от дороги, в качестве охраны обоза, расположилась кавалерия итальянской гвардии (6 эскадронов драгун).

Кавалерия IV корпуса Великой армии на протяжении всего сражения за Малоярославец оставалась лишь «зрителем на спектакле», хотя и понесла некоторые потери от ядер и гранат, выпущенных русскими батареями с правого берега Лужи. Вся тяжесть боя легла исключительно на французскую и итальянскую пехоту корпуса Богарнэ.

Пока происходили все вышеописанные действия, император Наполеон, ночевавший в Боровске, утром 12 октября покинул этот город вместе с Главной квартирой Великой армии и направился к Малоярославцу, еще не подозревая о начавшемся сражении. Когда он отъехал от Боровска примерно на 8 км, офицеры его свиты заметили метрах в четырехстах слева от дороги, позади ручья, пикет из 10-12 казаков Тверского ополчения. Их тотчас отогнали, захватив двух из них в плен. Наполеон, желая допросить пленников, сделал короткий привал, остановившись у края дороги вместе с неаполитанским королем (Мюратом), маршалом Бертье (начальником Главного штаба) и дивизионным генералом Ларибуасьером (командующим всей артиллерией Великой армии). Император уже приступил к допросу казаков, когда со стороны Малоярославца послышался гул артиллерийской канонады. Наполеон вскочил на коня и поскакал туда, откуда доносился шум боя. По дороге он встретил офицера, посланного вице-королем с сообщением о нападении русских на Малоярославец. Узнав, что принц Евгений считает дело серьезным, император отправил к нему своего ординарца капитана Г. Гурго. Последний должен был передать вице-королю приказание удерживать Малоярославец и известить его, что на подкрепление IV корпуса идут другие французские войска. Одновременно Наполеон распорядился, чтобы колонны I корпуса (маршала Даву), шедшие по Боровской дороге впереди остальных, ускорили свое движение к Малоярославцу. Оставив свою Главную квартиру и экипажи в д. Городня (в 7 км от Малоярославца), император поехал вперед и в 11 часов^{*} прибыл на Бунину гору, с которой ему открылся вид на город. Отсюда он в подзорную трубу наблюдал за ходом сражения^{**47}.

В это время к Малоярославцу уже подошел весь корпус Богарнэ. Вице-король, однако, не стал пускать в дело сразу все свои войска. Оставив 5-ю пехотную дивизию и королевскую гвардию в резерве, он приказал 14-й пехотной дивизии генерала Ж.-Б. Бруссье поддержать 13-ю дивизию, уже давно сражавшуюся в городе.

Около 10 часов 30 минут генерал Бруссье перевел на правый берег Лужи 1-ю бригаду своей дивизии, возглавляемую полковником Ж.-Б. Пенаном. В нее входили 9-й и 35-й линейные

^{*} Это время приводит в своих мемуарах генерал А. Коленкур. По свидетельству секретаря императора А. Фэна, Наполеон прибыл к Малоярославцу около полудня⁴⁹.

^{**} По обеим сторонам дороги, недалеко от холма, на котором находился Наполеон, по его распоряжению были поставлены сильные батареи.

полки, – те самые, которые отличились в Бородинском сражении, взяв штурмом батарею Раевского. 9-й линейный полк, состоявший большей частью из парижан, потерял тогда убитыми и ранеными 44 офицера и 1068 солдат, т. е. более 60% своего состава⁴⁸. Теперь этот славный полк, которым вместо раненого при Бородине полковника Вотрэ командовал майор Верхорст, имел в строю не более 800 бойцов, в то время как вся 1-я бригада 14-й дивизии едва ли насчитывала 2000 штыков.

Под дробный грохот барабанов, сливавшийся с гулом артиллерийской канонады и треском ружейной пальбы, восемь свежих батальонов французской пехоты вступили в город. Воспользовавшись прибытием этих подкреплений, генерал Гийемино собрал под своим командованием обе бригады 13-й пехотной дивизии и перешел в решительное наступление. После упорного боя, развернувшегося на улицах верхнего города, в домах, садах и на огородах, французы снова захватили Малоярославец. «Неприятель терял ужасно, – писал А. П. Ермолов в своем рапорте от 30 октября 1812, адресованному генералу Дохтурову, – но ни на что не взирая ввел в город свежие силы и в 11-м часу город был в руках его и едва успели мы вывезти наши батареи»⁵⁰.

Французские источники утверждают, что войска генералов Гийемино и Бруссье не только полностью овладели Малоярославцем, но даже вышли за его пределы. Гийемино, оставив часть 13-й пехотной дивизии в центре города на Соборной площади, выдвинул несколько батальонов 1-й бригады за калужскую заставу и расположил их при выходе из Малоярославца, по обеим сторонам большой дороги. Также за черту города продвинулись батальоны 2-й бригады 13-й дивизии, захватившие западную часть города, и 1-я бригада 14-й дивизии, которая, сменив бригаду Бертрана де Сиврэ, переместившуюся в центр Малоярославца, очистила от русских егерей Спасскую слободу и вышла на окраину этого предместья, 2-я бригада дивизии Бруссье под командой полковника Л.-М. Госсара была временно оставлена в резерве, прикрывая мост через Лужу. Вместе с этой бригадой примерная численность французской пехоты, собранной в Малоярославце к 11 часам дня, составила 9000 человек (без учета потерь, понесенных с начала боя). Кроме того, французы имели здесь более 600 артиллеристов и саперов, а также 44 орудия (28 полевых и 16 полковых), большая часть которых оставалась, однако, на левом берегу реки. Евгений Богарнэ тогда еще не решался перевести на правую сторону Лужи всю свою артиллерию, опасаясь потерять ее в случае отступления.

Когда русские войска были в третий раз выбиты из Малоярославца, генерал-майор Ермолов попросил у Дохтурова подкреплений. Командир 6-го корпуса тотчас прислал ему бригаду генерал-майора Ф. И. Талызина 1-го из 7-й пехотной дивизии. Составлявшие ее Либавский и Софийский пехотные полки (4 батальона) насчитывали тогда около 1500 бойцов. В Либавском полку на 8 октября 1812 г. было 766 человек (включая офицеров). Софийцы имели ровно столько же, но по ведомости от 6 октября⁵¹. Обрадованный быстрым прибытием этой бригады, Ермолов приказал генералу Талызину, взяв 3-й батальон Либавского полка, атаковать неприятеля в штыки. При этом солдатам было велено не заряжать ружей и не кричать обычного русского «ура». Батареи, стоявшие близ города, усилили свой огонь по французам, после чего колонна либавцев двинулась вперед в грозном молчании. «Ни с большим стремлением нельзя было ударить, ни с большею храбростью действовать, как генерал-майор Талызин», – писал Ермолов в своем рапорте⁵². Вместе с бригадным начальником эту лихую штыковую атаку возглавили шеф Либавского полка полковник А. И. Айгустов и батальонный командир майор Савельев. С барабанным боем и развевающимися знаменами либавцы без выстрела ударили на ближайшую французскую колонну (вероятно также батальонного состава) и «истребив оную», гнали остатки неприятельских стрелков до самой реки. 1-й батальон Либавского полка, при котором находился полковой командир полковник М. Д. Бестужев-Рюмин, последовал вскоре за 3-м батальоном и вместе с егерями 11-го полка очистил от французских стрелков городские сады⁵³. Егерские полки Вуича, оправившись, также ворвались в Малоярославец.

Тогда же командир Вильманstrandского пехотного полка майор Астафьев, оставив временно подчиненный ему 3-й батальон Полоцкого полка в прикрытии 7-й батареей роты, с 3-м батальоном вильманstrandцев вступил в западную часть города и очистил ее от неприятеля. При этом тяжело ранен командовавший батальоном капитан Лелио. Двигаясь колонной вслед за своими стрелками, батальон майора Астафьева вышел на центральную (Соборную) площадь Малоярославца, где соединился с 1-м батальоном Вильманstrandского полка, еще раньше посланным в город. К этому времени 1-м батальоном уже командовал капитан Новиков, сменивший раненого в начале боя майора фон Дрентельна. Таким образом, в Малоярославце был

собран весь Вильманstrandский полк, который от площади продвинулся еще дальше в сторону реки^{*54}.

Полковник Никитин и адъютант Ермолова штабс-капитан Поздеев снова ввели в город русские батареи, которые тот час завязали перестрелку с французскими орудиями, стоявшими у моста через Лужу.

Между 11-ю и 12-ю часами Малоярославец был в очередной раз потерян французами, которые, однако, сумели вновь удержать за собой монастырь и городище. Поражаемые пулями французских стрелков, предусмотрительно помещенных Гийемино в каменных домах у монастыря и за его стенами, русские не могли преследовать бегущего к реке неприятеля.

Принц Евгений Богарнэ после короткого совещания с генералами Гийемино и Бруссье, приказал им снова захватить город. Около полудня на усиление войск, находившихся в деле, он посылает 2-ю бригаду 14-й пехотной дивизии. Эта бригада с энтузиазмом встретила приказание вице-короля и командиры 18-го легкого и 53-го линейного полков полковники Л.-М. Госсар и П.-А. Гробон лично повели свои части в атаку. Шесть батальонов бригады (около 2000 бойцов), поддержанные другими батальонами, уже обескровленными и расстроеными тяжелым боем, вступили в город, многие дома которого, подожженные русскими, были охвачены пламенем пожара. Там, на узких улицах, среди дыма, огня и пороховой гари опять начинается жестокий бой. Колонны французов, предшествуемые массой стрелков, идут вперед, не взирая на потери. Встреченные ружейными залпами и картечью, они все же врываются на Соборную площадь и в четвертый раз овладевают Малоярославцем.

В рапорте Ермолова от 30 октября 1812 г. эта атака французов описана подробнее других. «Перестрелка была еще очень сильна, – сообщал он генералу Дохтурову, – мост в их руках и способы подкреплять войска. Я остановил идущий из армии Софийский полк, и Ваше превосходительство изволили мне прислать Вильманstrandский полк. Вдруг неприятель усилил стрелков своих сильными подкреплениями и колонна гренадер появилась в городе. Рассеянные по городу полки наши, атакованные неприятелем, не могли противостоять его стремлению. Ни личный пример генерал-майора Дорохова, бросившегося вперед, где он и получил сильную рану^{*}, ни усилия полковников Вуича и Никитина не могли остановить преодоленных. Неприятель в некоторых городах частях был уже в крайних городах строениях»⁵⁶.

Не медля ни минуты Ермолов ввел в дело Софийский пехотный полк, до того удерживаемый им в резерве. Как раньше Либавский полк, софийцы также получили приказание атаковать противника без выстрелов и криков «ура», действуя только холодным оружием. Шеф Софийского полка полковник В. М. Халяпин послал в город сначала 3-й батальон во главе с полковым командиром майором П. А. Эдинггом, а затем сам повел в атаку 1-й батальон, которым командовал майор А. М. Киткин. За неделю до сражения оба батальона софийцев имели в строю 24 офицера, 32 унтер-офицера, 25 музыкантов, 240 строевых рядовых, 36 бывших ратников Московского ополчения и 409 рекрутов⁵⁷. Несмотря на такое преобладание молодых новобранцев, полк проявил себя блестяще. «Полковник Халяпин с Софийским полком и полковник Глебов с резервами 6-го егерского полка, – отметил Ермолов в своем рапорте, – ударили и все опрокинули»⁵⁸. Благодаря этой смелой контратаке егерские полки Вуича и либавцы генерал-майора Талызина смогли оправиться и перейти в наступление. Вильманstrandский пехотный полк, который из-за нехватки патронов был принужден отступить к калужской заставе, взял там патроны из ящиков, после чего снова вошел в город вместе с двумя орудиями 7-й конной роты полковника Никитина⁵⁹.

В этом удачном для русского оружия эпизоде сражения отличились и другие части, не упомянутые Ермоловым. Согласно рапорту генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова, последний направил в подкрепление егерских полков, сражавшихся в городе, не только Либавский, Софийский и Вильманstrandский пехотные полки, но также Томский и Полоцкий⁶⁰. В наградных списках 6-го пехотного корпуса отмечено, что командир Томского пехотного полка подполковник И. И. Попов «послан был в город атаковать сильную неприятельскую колонну, находящуюся на площади, которую опрокинул штыками, большей частью истребил, а прочих обратил в бегство, подавал отличный пример мужества своим подчиненным, но вскоре ранен пулею навывлет в

* Вильманstrandский пехотный полк 11 сентября 1812 г. имел в своих двух батальонах 789 человек. Месяц спустя, то есть накануне боя при Малоярославце, он предположительно насчитывал около 750 штыков.

* Иван Семенович Дорохов был ранен пулей в ногу. Вынужденный из-за этой раны оставить военную службу, он умер в начале 1815 г. в Туле, имея чин генерал-лейтенанта. Согласно собственному завещанию Дорохов был похоронен в г. Верее, освобожденном им в 1812 г. от неприятеля.

колени». Сменивший Попова во главе полка майор Н. Я. Крутых (командир 3-го батальона) также «поражал врагов среди самого города», а командир 1-го батальона майор Мейбаум «послан был на подкрепление 3-го батальона, потом откомандирован был на левую сторону (т. е. к западу от города. – А. В.) для нападения во фланг сильной неприятельской колонны, устремившейся на левый фланг войск наших»⁶¹.

Кроме Томского полка, входившего в состав 24-й пехотной дивизии и посланного в Малоярославец по приказанию Дохтурова, в город, по распоряжению того же генерала, были отряжены «для поражения штыками неприятеля» две роты 1-го батальона Полоцкого пехотного полка под командой майора В. Тимофеева. Упомянутая штыковая атака, в которой принял участие и полковой адъютант поручик Ф. Готовцов 1-й, увенчалась полным успехом, однако командующие ротами обер-офицеры – капитан А. фон Нодбек и поручик Я. Губанов были ранены ружейными пулями навывлет (первый в правую руку и левую ногу, а второй – в левую руку). О подвиге этих двух рот Полоцкого полка свидетельствует рапорт командующего полком майора Г. Д. Пещанского от 22 июля 1813 г. В том же рапорте, адресованном командующему 11-й пехотной дивизией генерал-майору А. И. Бистрому, указано, что в сражении 12 октября 1812 г. 1-й батальон Полоцкого полка находился в распоряжении генерал-майора Ермолова, а 3-й батальон – генерал-лейтенанта Капцевича (начальника 7-й пехотной дивизии). Последний батальон, как уже было сказано, прикрывал батарею, образованную 7-й батареей ротой, к западу от Малоярославца. В представлении к награде командующего этим батальоном капитана И. Колесникова сказано, что он «...не допускал неприятельских стрелков к батарее, отражал стрелками и наконец целым батальоном опрокинул их колонну штыками»⁶².

Перед сражением Томский пехотный полк имел в своем составе (на 8 октября) 30 офицеров, 37 унтер-офицеров, 30 музыкантов и 833 рядовых (195 строевых, 322 ратника ополчения и 316 рекрутов), всего 930 человек. Полоцкий полк, который 11 сентября 1812 г. насчитывал 892 человека, в день боя мог, с учетом потерь, понесенных им за истекший месяц иметь в строю около 850 бойцов⁶³. Общая численность русской пехоты, действовавшей в Малоярославце около полудня 12 октября 1812 г., достигала 9200 человек. Французы, как уже было сказано, ввели в дело до 9000 пехотинцев 13-й и 14-й дивизий, так что обе стороны имели примерное равенство в живой силе.

Выбитые из Малоярославца французские войска пришли в сильное расстройство вследствие понесенных ими потерь. Особенно чувствительными оказались потери командного состава. В 13-й пехотной дивизии были ранены оба бригадных генерала, Бертран де Сиврэ и Серран, а в 14-й дивизии – полковник 18-го легкого полка Госсар, возглавлявший ее 2-ю бригаду. В числе убитых находился полковник 35-го линейного полка Пенан, который временно командовал 1-й бригадой дивизии Бруссье. Сменивший его во главе 35-го полка майор П. Фижье, а также два батальонных начальника из четырех получили ранения⁶⁴.

Неудача не поколебала решимости французских войск. Их командиры, еще остававшиеся в строю, а также офицеры штаба IV корпуса (в частности, штабной полковник Форестье) останавливают бегущих, вновь строят их в колонны и ведут на штурм города. Все батальоны дивизий Гийемино и Бруссье брошены теперь в бой, и в 13-м часу дня французы в пятый раз захватили большую часть Малоярославца, включая Соборную площадь. Стрелки 13-й и 14-й дивизии выдвинулись местами за пределы города, но встреченные там артиллерийским и ружейным огнем, а также штыковыми контратаками русских стрелков, отступили под прикрытием городских построек. В этот период боя хорошо проявила себя русская легкая артиллерия, в частности, 12-я легкая рота 7-й артиллерийской бригады, прикомандированная к пехотной бригаде генерал-майора Талызина 1-го. Командовавший ротой штабс-капитан Н. В. Тишенинов был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом за то, что «во время сражения, когда батальон Томского полка вытеснен был из города превосходством неприятеля, устремившегося на него многочисленной колонной, он, поставя противу ворот батарею и под прикрытием помянутого батальона упорными картечными выстрелами опрокинув французскую колонну, рассеял оную, истребив множество врагов»⁶⁵.

Пользуясь тем, что на окраине Малоярославца еще оставался Вильманstrandский пехотный полк, который удерживал в своих руках улицу, примыкавшую к Соборной площади, генерал-майор А. П. Ермолов приказал ему отбить у неприятеля центр города. Исполняя это приказание, переданное через полковника конной артиллерии А. П. Никитина, Вильманstrandский полк, к которому затем присоединилась и остальная пехота Ермолова, решительно атаковал французов и очистил от них не только Соборную площадь, но и всю

верхнюю часть Малоярославца. Одновременно другие русские батальоны вытеснили противника из Спасской слободы отбросив его к реке.

Действия вильманстрандцев в данном эпизоде сражения описаны в рапорте их командира от 23 октября 1812 г.: «...Переправленными свежими колоннами и остановя бегущие, – сообщает майор Астафьев генералу Ермолову, – неприятель столько усилился, что, заставя нас retirроваться, занял большую часть города и площадь. Я остановился с полком в улице у самой площади, где господин полковник Никитин, найдя меня, именем Вашим приказал непременно очистить площадь. Исполняя волю Вашего превосходства, я пошел с полком на площадь, несмотря на сильный неприятельский огонь. В одно мгновение неприятель был опрокинут и весь город очищен и все, что было в городе нашего войска, примкнуло к полку. Я смею в этом свидетельствоваться господами генерал-майором Талызиным и полковником Никитиным. Яко очевидны подтвердят они Вашему превосходительству, с какою быстротой и неустрашимостью бросился на неприятельские колонны командуемый мною Вильманстрандский пехотный полк и какое влияние имел сей удар на рассыпавшихся разных полков наших людей»⁶⁶.

Вице-король, находившийся со своим штабом недалеко от моста через Лужу, видел, как толпы французских солдат в беспорядке отступают из верхней части города к реке, как сотни раненых покидают поле сражения. Сознывая, что войска, ведущие тяжелый бой за Малоярославец, нуждаются в подкреплении, он решил ввести в город 15-ю пехотную дивизию генерала Д. Пино. Это была итальянская дивизия, которой с самого начала русской кампании еще ни разу не пришлось участвовать в бою. К 12 октября 1812 г. она имела в своем составе 16 батальонов пехоты и 22 орудия (14 полевых и 8 полковых), ее численность, вместе с артиллеристами и саперами, превышала 6000 человек⁶⁸.

«Дивизию Пино, которая во все время похода рвалась к бою, желая проявить свою храбрость и мужество, – писал очевидец сражения Эжен Лабом, служивший в 1812 г. в штабе инженерных войск IV корпуса, – ухватилась за этот случай и с восторгом подчинилась приказу принца»⁶⁹. Колонны солдат итальянской линейной и легкой пехоты, одетых в белые и темно-зеленые мундиры, устремились одна за другой на правую сторону реки. Полки, собравшие под своими красно-бело-зелеными знаменами храбрейших юношей Северной Италии, перешли мост без выстрела, но с барабанным боем и криками «Да здравствует император». На правом берегу Лужи 15-я пехотная дивизия разделилась. Ее 1-я бригада (4-й батальон 1-го легкого полка, 2-й линейный и Далматский полки), которой командовал бригадный генерал Ж. Фонтана, поднялась к Николаевскому монастырю, чтобы поддержать там части 13-й дивизии, 2-я бригада (3-й легкий и 3-й линейные полки), возглавляемая бригадным генералом Ж.-М. Левье, встала в устье оврага, разделяющего Малоярославец и Спасскую слободу, в готовности подкрепить 14-ю дивизию и зайти в тыл русским колоннам, вытеснившим последнюю из предместья.

После короткой передышки обе бригады 15-й дивизии снова двинулись вперед, чтобы полностью овладеть Малоярославцем. Генерал Д. Пино лично повел в атаку 1-ю бригаду своей дивизии, следуя с ней по Боровской улице на центральную площадь города. Здесь, на Соборной площади и прилегающих к ней улицах бой приобрел особенно ожесточенный характер. «Страшная схватка, – пишет об этом моменте сражения Цезарь де Ложье, – завязывается среди пламени, пожирающего постройки. Большая часть падающих раненых сгорели живыми на месте, и их обезображенные трупы представляют ужасное зрелище»⁷⁰. Несмотря на яростное сопротивление русской пехоты, бригада Фонтаны захватила площадь и прошла до калужской заставы. Тогда же 2-я бригада 15-й дивизии, поднявшись по оврагу под смертоносным ружейным и картечным огнем, овладела Спасской слободой. Успех этот, однако, дорого стоил храбрым итальянцам. Бригадный генерал Жозеф-Мари Левье (корсиканец по происхождению) был смертельно ранен (он умер через четыре дня после сражения). Получили ранения и оба полковых командира его бригады – полковники Варезе (3-го легкого) и Казелла (3-го линейного), а также пять батальонных командиров из восьми. Еще один начальник батальона (Негрисоли, командовавший 3-м батальоном 3-го линейного полка) был убит. Этот доблестный офицер, несмотря на огнестрельную рану, полученную им в начале атаки, вернулся в строй, после чего был

* В разгар этого боя отличился подпоручик Вильмадстрандского пехотного полка Шубинский, представленный за Малоярославец к ордену св. Владимира 4-й степени. «Когда от превосходного числа неприятеля колонна стала колебаться», этот офицер «с выбранными охотниками пренебрегая все опасности, бросился на неприятеля и тем способствовал к опровержению оного, причем жестоко ранен». Французские солдаты хотели добить его штыками, но на помощь подоспели мушкетеры Федор Муромцов, Алексей Денисов и Василий Сметанин, которые «избавили от смерти раненого подпоручика Шубинского, переколовши пять человек неприятелей, покушавшихся на его жизнь»⁶⁷.

поражен еще одной пулей, на этот раз смертельно. Он упал со словами: «Вперед, итальянцы! Я умру счастливым, если вы победите!»⁷¹. Столь же велики были потери командного состава 1-й бригады итальянской дивизии. Ее командир, бригадный генерал Жак Фонтана, большинство старших офицеров были ранены. Среди раненых оказались, в частности, командиры 2-го линейного и Далматского полков, полковники Дюбуа и Лоро, а также вторые полковники этих полков – Омодео и Лашэз, причем последний умер от полученной раны. Дивизионный генерал граф Доменико Пино, после того, как под ним была убита лошадь, «пеший, с саблей в руке, – как пишет Ложье, – словами и примером продолжал приободрять своих солдат, но вскоре сам получил рану и выбыл из строя. Еще раньше его родной брат, служивший при нем адъютантом (начальник эскадрона Джакомо Пино), погиб рядом с ним, а другой адъютант (лейтенант Фонтана, брат командира 1-й бригады) был ранен. Вместо генерала Пино командование 15-й пехотной дивизией принял начальник ее штаба полковник Ливьо Галимберти⁷².

«Натиск дивизии Пино, – пишет Ложье, – поднял дух у солдат 13-й и 14-й дивизий. Они соединяются с войсками 15-й дивизии и бросаются на русских». Стремясь помочь французской и итальянской пехоте, действовавшей в Малоярославце, начальник артиллерии 15-й дивизии полковник Гаэтано Милло, по приказанию вице-короля, перевел через реку несколько итальянских батарей, которые с помощью пехотинцев были поставлены на высоты правого берега⁷³. Теперь сражавшиеся там наполеоновские батальоны получили достаточно сильную огневую поддержку. Малоярославец вновь, уже в шестой раз, оказался захвачен войсками принца Евгения Богарнэ.

Пока происходила вышеописанная атака дивизии Пино, пехота итальянской королевской гвардии, возглавляемая бригадным генералом Теодоро Лекки, оставалась в резерве на левом берегу Лужи. Ее отборные полки расположились на лугу, напротив моста: в центре, прямо поперек Боровской дороги, – гвардейский пехотный полк, находившийся под начальством генерала Лекки и полковника Крови (он состоял из двух батальонов – гренадерского и карабинерного); справа от него и от дороги – полк велитов под командой полковника Морони, а слева, примыкая левым флангом к изгибу реки, – полк гвардейских пеших егерей во главе с полковником Перальди. Всего в итальянской гвардейской пехоте было 6 батальонов, насчитывавших более 2500 штыков при 6 полковых пушках⁷⁴.

Находясь под огнем русских орудий, бьющих с высот правого берега реки, итальянские гвардейцы несли серьезные потери и вынуждены были постоянно менять свою позицию. Особенно до-саждал итальянцам огонь батареи, стрелявшей с гребня холма, расположенного к западу от города, вблизи дороги на Карижу. Вероятно это была одна из батарейных рот, стоявших на левом фланге русских войск (7-я или 32-я). Чтобы как-то ослабить ее действие, вице-король приказал поставить против нее, на левой стороне реки (справа от королевской пешей гвардии) 6 орудий итальянской гвардейской конно-артиллерийской роты, возглавляемой капитаном Маркастелем. Канониры, обслуживающие эти орудия, показали здесь не только высокое мастерство, но и поразительное мужество, которое получило восторженную оценку у наблюдавшего за их работой Цезаря де Ложье. «Мы имеем тогда возможность, – пишет он в своем «Дневнике», – удивляться вблизи энергии, разумности и храбрости наших артиллеристов. Совершенно открытые, подставленные под неприятельские удары, вынужденные отвечать снизу вверх, они маневрируют с таким хладнокровием, с такой рассчитанной точностью, что заставляют неприятельскую батарею сперва замолчать, а потом и отступить»⁷⁵.

Вступление в Малоярославец итальянской дивизии дало войскам Евгения Богарнэ численное превосходство над частями Дохтурова, сражавшимися в городе и на его окраинах. Теперь против девяти тысяч русских пехотинцев вице-король имел около 15 тысяч солдат (без учета потерь, понесенных с начала боя). В резерве у Дохтурова еще оставались 8 батальонов пехоты (Псковский и Московский полки 7-й дивизии, Ширванский и Уфимский полки 24-й дивизии), насчитывавшие около 3400 человек. Кроме того, недалеко от Малоярославца, на дороге из Спас-Загорья, находился 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского (11787 человек и 72 орудия)⁷⁶, который подошел к полю сражения еще в полдень, однако не вступал в дело, ожидая приказаний Кутузова.

Генерал Д. С. Дохтуров в письме к своей супруге Марии Петровне (урожденной княжне Оболенской), отправленном 15 октября 1812 г., сообщает, что корпус Раевского прибыл на подкрепление 6-го пехотного корпуса «в четвертом уже часу после полудня»⁷⁷. В «Записках» А. П. Ермолова также указано, что 7-й корпус подошел непосредственно к городу к трем часам дня⁷⁸. Правда, в своем рапорте от 30 октября 1812 г. этот генерал называет несколько более раннее время

прибытия корпуса Раевского на поле боя. «Но умножив артиллерию, – пишет он, – стал я твердою ногою в городе, **до двух часов пополудни** (курсив мой. – А. В.), когда узнали, что армия переходит через реку Протву у села Спасского и когда 7-й корпус генерал-лейтенанта Раевского прибыл и вступил в дело. Начальство правого фланга перешло по старшинству к нему»⁷⁹. Сам Николай Николаевич Раевский в рапорте от 1 ноября 1812 г. утверждает, что его корпус вступил в сражение сразу после полудня. «12-го октября следуя с вверенным мне 7-м корпусом к городу Малому Ярославцу, – сообщал он генерал-фельдмаршалу князю М. И. Голенищеву-Кутузову, – получил я приказание Вашей Светлости подкрепить господина генерала от инфантерии Дохтурова, который с самого утра сражался в сем городе, **в 12-ть часов** (курсив мой. – А. В.) прибыв к оному, получил я от него приказание подкрепить его корпус двумя полками на левом фланге..., а с остальной частью взять в мое командование центр и правый фланг»⁸⁰.

Разночтения между рапортом Раевского с одной стороны и свидетельствами Дохтурова и Ермолова с другой вносят изрядную путаницу в хронологию сражения при Малоярославце. Отечественные военные историки, как правило, указывают на более позднее время прибытия 7-го корпуса. Тем самым они на 2-3 часа продлевают борьбу, которую вели за город пехота Дохтурова, сражавшаяся против более многочисленного корпуса Богарнэ. Французские авторы, наоборот, считают, что русский 7-й корпус вступил в бой гораздо раньше. Таким образом, они косвенно подтверждают достоверность рапорта Раевского. В этом случае ввод в город дивизии Пино явился ответом на усиление русских войск, с подходом 7-го корпуса получивших численный перевес над 13-й и 14-й дивизиями французов.

Расхождения между русскими источниками отчасти можно объяснить тем, что между прибытием корпуса Раевского в район Малоярославца и его фактическим вступлением в бой за город была определенная временная пауза, возможно продлившаяся 2-3 часа. «Давно уже был он (генерал-лейтенант Раевский. – А. В.) близко к Малоярославцу, – отмечает Ермолов в своих воспоминаниях, – но корпус его не иначе мог выступить, как по собственному повелению фельдмаршала. Я видел его (Раевского. – А. В.), как любопытного зрителя, приехавшего прежде, и от него я знал, что корпус его не в дальнем расстоянии»⁸¹. Вероятно такое пассивное положение 7-й пехотный корпус сохранял от полудня до 2 или 3 часов дня.

Главные силы Кутузова между тем прибыли, следуя по дороге из Леташевки, к селу Спас-Загорью на р. Протве. Там фельдмаршал остановил войска для отдыха, хотя до поля сражения было всего 5 км. Ермолов в своих «Записках», первоначально не предназначенных им для печати, весьма резко отзывается о Кутузове, виня его за пассивность. «Испросивши позволение генерала Дохтурова, – пишет Алексей Петрович, – я поручил генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову от имени моего донести фельдмаршалу во всей подробности о положении дел наших и о необходимости ускорить движение армии, или город впадет во власть неприятеля. Армия стояла на реке Протве у села Спасского. Неприятным могло казаться объяснение мое фельдмаршалу, когда свидетелями были многие из генералов. Он отправил обратно графа Орлова-Денисова без всякого приказания. Не с большей благосклонностью принят был вторично посланный от меня (также многие из генералов находились при фельдмаршале), и с настойчивостью объясненная потребность в скорейшем присутствии армии могла иметь вид некоторого замечания или упрека. Он с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланнику, что тот достал из кармана платок, и замечено, что лицо его имело более в том надобности»⁸².

Фельдмаршал Кутузов все-таки послал генерал-лейтенанту Н. Н. Раевскому приказание поддержать отряд Дохтурова, и в 14 часов (если верить рапорту Ермолова) 7-й пехотный корпус, подойдя к Малоярославцу, вступил, наконец, в сражение. По распоряжению генерала Дохтурова, Раевский принял под свое командование правое крыло и центр боевого порядка русских войск, направив на подкрепление левого фланга Орловский и Нижегородский полки 26-й пехотной дивизии во главе с начальником последней генерал-майором И. Ф. Паскевичем. К тому времени итальянская дивизия Пино уже захватила Малоярославец. Ее 2-я бригада (3-й легкий и 3-й линейный полки) выбила из Спасской слободы русских егерей, утомленных многочасовым боем и ослабленных понесенными потерями. «Неприятель, усилившись, – писал в своем рапорте Н. Н. Раевский, – теснил уже своим превосходством находящиеся в городе егерские полки, почему приказал я майору Орженскому с Ладожским и Полтавским полками (26-й пехотной дивизии. – А. В.) ударить на неприятеля, что он и исполнил с отличной храбростью»⁸³.

Ладожский и Полтавский пехотные полки, которыми командовали майоры Ф. М. Орженский 1-й и А. Ф. Давыдов 2-й, имели в своих четырех батальонах более 1700 человек*. Значительная часть их была рассыпана в стрелки и находилась впереди боевой линии. Действиями стрелков руководил дежурный штаб-офицер 7-го пехотного корпуса майор 26-го егерского полка В. Г. Пяткин, пожалованный за отличие при Малоярославце орденом св. Георгия 4-й степени. В наградном листе о нем сказано, что «по приходе корпуса на назначенную позицию приказано было ему ввести в дело наших стрелков, которых разделив на части и доведя на близкую дистанцию к неприятельским стрелкам, ударил по оным в штыки, которых сбил из занимаемых ими засад и очистил место к действию наших орудий, когда же наконец усилившимся неприятелем наши стрелки приведены были в расстройство, он, остановив, собрал их и примерно своей храбростью поощрял их кинуться вперед и прогнать неприятеля под прикрытие их батарей в виду господ генерал-лейтенанта Уварова и артиллерии генерал-майора Ермолова, где и ранен сильною контузиною»⁸⁵.

Ладожский и Полтавский пехотные полки, выстроившись параллельно дороге из Чурикова, ударили в штыки на выдвинувшихся из предместья итальянцев из 2-й бригады 15-й пехотной дивизии. Атакованная с фронта и левого фланга эта бригада оказала стойкое сопротивление, но все же была принуждена оставить Спасскую слободу и отойти к мосту через Лужу. Наступление четырех батальонов 26-й пехотной дивизии, поддержанных полками Ермолова, увенчалось полным успехом: русские войска овладели не только предместьем, но и всей верхней частью Малоярославца.

В этой схватке многие офицеры и солдаты Ладожского и Полтавского полков покрыли себя славой. Майор Ф. М. Орженский 1-й был награжден орденом св. Анны 2-й степени за то, что «отличной своей храбростью подал пример Ладожскому полку с чрезмерной быстротою и неустрашимостью броситься на засевшего в закрытых местах неприятеля с правой стороны города». Ладожского пехотного полка капитаны Савицкий и Пышнов, штабс-капитан Дурасов и поручик Порошин «при выражении и прогнании неприятеля чрез город были всегда впереди..., причем из них Пышнов и ранен пулею в колено правой ноги навывлет». В Полтавском пехотном полку в числе прочих офицеров отличились командовавший полком Давыдов 2-й, который «с правой стороны города... благоразумными распоряжениями при личной храбрости опрокинул и прогнал неприятеля», капитан Г. А. Асеев, который «командовал батальоном, рассыпанным в стрелки, прогнавшим неприятеля до мосту, подавая собою пример», а также штабс-капитаны Гриневич и Энкелич 2-й, поручик фон Шульман, подпоручики Могилянский 2-й, Зайченко-Жадко и Следзинский 2-й, причем трое последних с вверенными им ротами сражались в стрелках, «имея для примера солдат при себе ружья»⁸⁶. Подпрапорщики Илья Груберт, Петр Сахно-Устимович, Авенир Паренаго, Иван Остромский, Исаакий Кондратовский, Андрей Зезекало, Кирило Миних, Илья Зубов и Николай Токарев были представлены к знаку отличия военного ордена за то, что «стреляли цельно, штыками поражали неприятеля, при ретираде коего быв первые впереди, чем подали пример подчиненным к прогнанию неприятельских колонн». В том же наградном списке отмечены еще 7 унтер-офицеров, 1 барабанщик и 30 старослужащих рядовых Полтавского полка, которые «в глазах командующего полком майора Давыдова примером своим поощряли к храбрости молодых солдат, стыдя их за трусость, бросались сами всегда вперед, храбро и неустрашимо под картечные выстрелы и прогоняли неприятеля»⁸⁷.

В контратаке против франко-итальянских войск, занимавших Малоярославец, приняли участие и полки 26-й пехотной дивизии, подкрепившие левое крыло. Дежурный генерал русской армии генерал-лейтенант П. П. Коновницын, которого Кутузов отправил к Малоярославцу для уяснения обстановки, лично послал в бой встреченные им батальоны Орловского пехотного полка. Командир последнего майор П. С. Берников 1-й был затем награжден орденом св. Анны 2-й степени за то, что «с Орловским полком вышедшую неприятельскую колонну с левой стороны города на штыках опрокинул, показав пример храбрости солдатам». При этом отличились также капитан Лепескин-Лобесский, подпоручики Герасимович и Бак 2-й, фельдфебели Темляков и Попов и портупей-прапорщик Соболевский, которые во время атаки были впереди, увлекая за собой подчиненных»⁸⁸.

После того, как Малоярославец в шестой раз был отбит у французов, генерал-лейтенант Раевский укрепил свое правое крыло. «Увидя по правой стороне города овраг, способный для неприятеля взять нас во фланг, – писал он в своем рапорте от 1 ноября 1812 г., – поставил я для очищения

* 11.10.1812 Ладожский полк насчитывал 810 человек (вместе с офицерами), а Полтавский – 898⁸⁴.

оного сильную батарею из орудий 12-й артиллерийской бригады в удобном месте, и приказал генерал-майору Коллюбакину с четырьмя пехотными полками 12-й дивизии удерживать оный»⁸⁹. Овраг, упомянутый здесь, был до-вольно глубок и имел крутые, обрывистые скаты. По дну его про-текал ручей, начинавшийся у дороги из Спас-Загорья и впадающий в Лужу к востоку от Малоярославца. Поставленной здесь 12-й ар-тиллерийской бригадой командовал подполковник Р. А. Винспьер. В составлявших ее 12-й батареейной, 22-й и 23-й легких ротам за несколько дней до сражения было 10 офицеров, 42 унтер-офицера, 7 музыкантов и 482 рядовых, всего 541 человек при 36 орудиях⁹⁰. Четыре полка 12-й пехотной дивизии генерал-майора П. М. Коллюбакина (Смоленский, Нарвский, Алексопольский и Новоингерман-ландский), расположенные на правом фланге боевой линии, возле оврага, имели вместе 8 батальонов, которые накануне боя насчитывали 3051 человек (78 офицеров, 185 унтер-офицеров, 120 музыкантов и 2668 рядовых). Четыре пехотных полка 26-й дивизии, уже вступившие в бой, имели в своих рядах 3223 человека⁹¹. Вместе с этими частями корпуса Раевского общее число русских пехотинцев, принявших участие в сражении за Малоярославец, превысило 18000 (не считая ранее понесенных потерь).

Принц Евгений Богарнэ уже ввел в сражение 13-ю, 14-ю и 15-ю пехотные дивизии своего корпуса. В резерве он имел только 6 гвардейских батальонов, так как конницу генерала Орнано и прибывший к тому времени на Бунину гору 3-й корпус кавалерийского резерва* нельзя было использовать в бою за город. Чтобы помочь своей пехоте, против которой действовали уже два русских корпуса, вице-король приказал полку гвардейских пеших егерей перейти по мосту на правый берег Лужи. Егеря королевской гвардии, называемые также гвардейскими конскриптами, давно рвались в бой. Два их батальона уже насчитывали не более 800 штыков, но это были превосходные солдаты, – элита итальянской армии. Ведомые полковником Перальди, колонны егерей, одетых в зеленые мундиры с красными эполетами и отделкой, переправились через Лужу и заняли позицию возле церкви Спаса фронтом на юг. Здесь к ним примкнули остатки 2-й бригады 15-й пехотной дивизии, выбитые из Спасской слободы. Полковник Перальди видел, что русские батальоны продвигаются к мосту, чтобы захватив его, отрезать франко-итальянские войска, находящиеся в Малоярославце. Предыдущая схватка с 2-й бригадой итальянской дивизии расстроила русских, и они наступали в некотором беспорядке, в виде толпы стрелков. Тогда Перальди, встав во главе 1-го батальона своих егерей, повел его в штыковую атаку. «Не стреляйте, солдаты, – воскликнул он, воодушевляя своих бойцов, – штык – вот оружие гвардии. В штыки, храбрые итальянцы!»⁹² Батальон гвардейцев, за которым последовали и остатки 2-й бригады 15-й дивизии, бросился вперед и опрокинул все на своем пути. Спасская слобода была снова захвачена, причем итальянские гвардейские егеря прогнали русских за пределы города, до перекрестка дорог из Чурикова и Марьи-на. Одновременно прочие французские и итальянские части перешли в общее наступление и очистили от русской пехоты весь Малоярославец. Вице-король, заметив блестящий успех полковника Перальди, направил ему на подмогу 2-й батальон гвардейского егерского полка, еще оставшийся с Спасской церкви. Тогда же по приказанию Евгения Богарнэ полк гренадеров и карабинеров итальянской королевской гвардии перешел по мосту на правый берег реки. Чтобы служить резервом войскам, действовавшим в городе, эти отборные солдаты в высоких меховых шапках и зеленых мундирах с белыми нагрудными лацканами расположились возле церкви Спаса, на той самой позиции, которую ранее занимали гвардейские егеря⁹³.

Соединив оба батальона егерского полка, полковник Перальди, вдохновленный своим предыдущим успехом, выдвинулся из впадины, находившейся восточнее Спасской слободы, и атаковал правое крыло русского боевого порядка. Линия русских стрелков была прорвана и обращена в бегство. Батальонные колонны гвардейских егерей шли вперед до тех пор, пока на их пути не оказался крутой берег глубокого оврага, за которым находилась русская правофланговая батарея (из 12-й артиллерийской бригады). Ее орудия немедленно обрушили на итальянцев смертоносный град картечи. Понеся страшные потери, батальоны полковника Перальди заколебались. Пользуясь их расстройством, многочисленная русская пехота, поддержанная кавалерией, тотчас перешла в контратаку. Не выдержав этого натиска, гвардейцы в беспорядке отступили от оврага и укрылись в той самой впадине, из которой они начали свое наступление. Итальянские войска были снова выбиты из спасских садов и предместья, причем часть их бежала к реке и мосту под защиту стоявших там орудий и двух батальонов гвардейского пехотного полка.

* Этим корпусом, состоявшим из 3-й легкой и 6-й тяжелой кавалерийских дивизий, командовал тогда дивизионный генерал Л.-П.-Э. Шастель, который временно заменял генерала Э. Груши, раненого в Бородинском сражении.

В бою против егерей полковника Перальди и восьми батальонов 2-й бригады итальянской дивизии участвовали стрелки и отдельные батальоны Ладожского и Полтавского полков 26-й пехотной дивизии, а также Смоленского, Нарвского, Алексопольского и Новоингерманландского полков 12-й дивизии, возглавляемых майором А. А. Ренненкампом, подполковником П. С. Шеиным 1-м, полковником К. К. Панцербитером и подполковником И. Л. Жуковым.

Наградные списки офицеров и солдат этих полков дают немало примеров проявленного ими мужества. В описанном выше бою хорошо проявил себя, в частности, майор Полтавского пехотного полка И. Д. Ермаков 1-й, который, «когда неприятельские колонны привели в замешательство всю переднюю цепь, начинавшую было ретироваться, ... сикурсировал с полубатальоном и собственной своей особой содействовал остановить людей и вторично принудить неприятельские колонны бежать в беспорядке до моста и спастись под прикрытием своих орудий»¹⁰⁵. При отступлении русских стрелков, сильно теснимых противником, трое храбрых солдат Ладожского полка (гренадер Аникей Шкуратенко, мушкетеры Яков Пастушенко и Евдоким Чабак) «спасли от рук неприятельских своего полка полкового командира» майора Орженского 1-го⁹⁵.

В Смоленском пехотном полку кроме командовавшего полком майора Ренненкампа и батальонного командира майора Мацкевича отличились поручики Черняк и Богинский, подпоручик Карсалов и прапорщик Фролов, которые «бросились с неустрашимостью и храбростью в штыки на наступающую неприятельскую колонну, опрокинули оную и, отрезав большую часть, взяли в плен»⁹⁶. 17 нижних чинов Смоленского полка (3 фельдфебеля, 10 унтер-офицеров и 4 рядовых) были награждены знаками отличия военного ордена за то, что «первые бросились с неустрашимостью на неприятельскую колонну и тем поощрив своих товарищей, общею силою обратили неприятеля в бегство», причем двое из них (фельдфебель Григорий Селиверстов и унтер-офицер Иван Иванов) «спасли жизнь офицера от нанесенного неприятельского удара»⁹⁷.

В Нарвском пехотном полку покрыли себя славой многие офицеры. Так, в частности, майор Маркович «был командирован с батальоном к удержанию места в лощине в правой стороне (от города. – А. В.) состоящей, где двоекратно неприятель покушался обойти правый наш фланг, предприятие его с примерной храбростью и при благоразумном распоряжении уничтожил штыками, причем и сам ранен». Капитаны князь Мещерский и Глушков ударом в штыки отразили «неприятеля, стремившегося на нашу бата-рею», капитан Кузминский, «когда потеснены были неприятелем наши стрелки, находящиеся против нашего правого фланга... со взводом с примерной храбростью бросился во фланг и полным выстрелом плутонга (взвода. – А. В.) много побил, смешав и уничтожив неприятельское стремление», а поручик Митюрин, «при усилении неприятеля занять балку, разделяющую от города действующую нашу батарею на правом фланге, командирован был с дивизионом (т. е. с двумя ротами. – А. В.) и примерным мужеством... удерживал оно»⁹⁸. Среди отличившихся нижних чинов того же полка был отмечен начальством каптенармус Василий Попов, который «в виду генерал-майора Коллюбакина убил двух неприятельских стрелков, покушающихся на жизнь офицера, командовавшего нашими стрелками, чем спас его жизнь»⁹⁹.

В Алексопольском пехотном полку наряду с другими отважными офицерами отличился поручик Кунцевич, представленный за Малоярославец к ордену св. Владимира 4-й степени. Командуя одной из рот, он был ранен в горячей схватке, но «при намерении заколоть его неприятельским солдатом, ... выхватил у него ружье, заколол его в виду полковника Панцербитера и на месте остался до конца сражения»¹⁰⁰.

В Новоингерманландском пехотном полку большую личную храбрость и военное искусство показал один из батальонных командиров – майор Ильин. В наградном списке отмечено, что этот штаб-офицер «благоразумным своим распоряжением неоднократно вытеснял неприятельских стрелков, когда же входила опять неприятельская сильная колонна в город*, он засадил свой батальон в закрытое место и подпустя на близкую дистанцию, ударил залпом, чем оную расстроил и прогнал в штыки, отбив много наших пленных». Среди обер-офицеров Новоингерманландского полка отличились также штабс-капитаны Ильченко и Прокопович, поручики Черняев, Малемберг 1-й и Хмелевский, которые «были с ротами им вверенными внутри города... и будучи впереди со стрелками неоднократно опрокидывали неприятеля в бегство»¹⁰¹. Шесть унтер-офицеров того же полка (Терентий Самарин, Василий Егоров, Андрон Сазонов,

* Вероятно, здесь имеется в виду Спасская слобода Малоярославца.

Ефим Попов, Тимофей Усов и Иван Филиппов) были представлены к знакам отличия военного ордена св. Георгия за то, что «подали собою пример подчиненным к отражению наступающей неприятельской колонны, ударили на оную в штыки и... спасли жизнь своего офицера»¹⁰².

В 12-й артиллерийской бригаде, чьи орудия сыграли главную роль в отражении атаки противника, показали свои отменные командные способности майор Мартынов и поручик Борисов, которые, «когда... неприятель собрался с большими силами и решительно шел на их батарею,... обратили его в бегство с большим уроном», и прапорщик Даненберг, который при нападении неприятельских пехотинцев на батарею «споспешествовал верными картечными выстрелами к отражению оных». Отличились также штабс-капитан Блинов и подпоручик Оглевский 2-й из легкой роты № 23. «Когда по приказанию генерал-майора Колюбакина учреждена была батарея из 8 орудий, – свидетельствует наградной список, – оба сии офицеры действовали по неприятельским колоннам, кидавшимся на наши колонны, наносили им целными выстрелами чувствительный вред и обращали всегда в бегство»¹⁰³. Из числа нижних чинов 12-й артиллерийской бригады были отмечены фейерверкер 3-го класса Назар Чумовский, бомбардиры Иван Корнилович, Парфен Керов и Филипп Бондаренко, представленные к знакам отличия военного ордена за то, что «отличным своим мужеством подавали пример к ободрению солдат, кои проворно действовали картечью, опрокинули неприятельские колонны своими выстрелами»¹⁰⁴.

Полковник Перальди, несмотря на тяжелый урон, понесенный его полком, не желал смириться с неудачей. В то время как итальянская армейская пехота устраивалась и строила баррикады, готовясь защитить прибрежную часть Спасской слободы, гвардейские егеря снова перешли к наступательным действиям. «От отряда Перальди остается половина, – писал об этом моменте сражения Цезарь де Ложье, – но он соединяет своих егерей со 2-й бригадой Пино, выстраивает их в колонны, оставляет оборонительную позицию и, несмотря на численный перевес неприятеля, ведет их в новый бой. В довершение всего он возбуждает национальный энтузиазм. «Вспомните, солдаты, – обращается он к ним, – что в этой битве итальянцы должны победить или умереть!» – «Да, да! – кричат в ответ солдаты, – победить или умереть! Барабанщики к атаке!»¹⁰⁵ Э. Лабом также отмечает этот славный для итальянцев эпизод, сообщая, что полковник Перальди «стал говорить солдатам о том бесчестии, которое они заслужат, если не умрут на своем посту, и с радостью увидел, как его храбрецы, собрав из патронных сумок убитых на поле сражения товарищей нехватящие им патроны, сильным натиском набросились на русских, которые, удивившись такой смелости, были уверены, что на них наступают свежие полки»¹⁰⁶.

По образному выражению Ложье, гвардейские егеря вышли из спасских садов «подобные стае львов». Над их черными ки-верами колыхались зеленые, как трава, султаны, сверкали стальные иглы штыков. Неудержимо двигаясь вперед, они снова опрокинули русских стрелков и отбросили их до оврага, лежащего к востоку от города. Однако на этот раз пешие егеря итальянской гвардии обошли стороной крутой ров, послуживший причиной их первого поражения, и заняли удобную позицию у роши, находившейся между оврагом и дорогой из Спас-Загорья. Лесок оказался для них хорошей защитой от огня русской артиллерии и кавалерийских атак. Согласно французским и итальянским источникам, полк гвардейских егерей продержался на этом месте до конца сражения. Понимая всю выгоду своего положения, полковник Перальди просил вице-короля усилить его другими полками королевской гвардии, однако Богарнэ предпочел сохранить их в резерве¹⁰⁷.

Гвардейские гренадеры и карабинеры по-прежнему находились у церкви Спаса, в то время как велиты оставались на левом берегу реки напротив моста. Огонь русских батарей причинял последним большой урон, так как артиллерийские снаряды, пролетая над батальонами, стоявшими в боевой линии, падали прямо на позицию велитов. Белые и зеленые шеренги этих отборных воинов, выделявшихся своими высокими медвежьими шапками, то и дело смыкались, заполняя бреши, пробитые в них русскими ядрами. «Неподвижно и невозмутимо держась на этой опасной позиции, – вспоминал служивший в полку гвардейских велитов Цезарь де Ложье, – мы не могли даже мстить за наших убитых и раненых, а потеряли мы много лихих товарищей и между ними доблестного Маффеи, батальонного командира, который был убит ядром на наших глазах»¹⁰⁸.

В четвертом часу пополудни к Малоярославцу подошел из Спас-Загорья 8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта М. М. Бороздина 1-го, за которым последовали 3-й и 5-й пехотные корпуса генерал-лейтенантов графа П. А. Строганова и Н. И. Лаврова, составлявшие главные силы Кутузова. Прибыв на поле сражения, они расположились на высотах по обеим сторонам Калужской дороги, в двух с половиной километрах от города.

Тогда же по распоряжению Кутузова недалеко от Малоярославца началось строительство четырех земляных укреплений, вооруженных пушками. Две таких батареи* были насыпаны по обеим сторонам города (на расстоянии орудийного выстрела от него), а две других – перед д. Немцово. При их возведении, проходившем под огнем противника, отличились русские военные инженеры – капитан Жуков (адъютант генерал-лейтенанта Оппермана), поручик Суслов, подпоручик Азанчевский, прапорщик Трительвич, юнкер Загурский и кондуктор 1-го класса Горбунов, а также офицеры 1-го и 2-го пионерных полков – подполковник Сазонов (командир минерной роты), штабс-капитаны Шевич (командующий пионерной ротой) и Белоусович, подпоручик Кононов и прапорщик Свечин¹⁰⁹.

Прибыв к Малоярославцу, Кутузов отправился к сражавшимся войскам и оставался под огнем, несмотря на то, что находившиеся при нем генерал от кавалерии А. П. Тормасов и «главно-управляющий по части продовольствия армии» В. С. Ланской упрасивали его не рисковать и отъехать в более безопасное место¹¹⁰. Внимательно наблюдая за ходом боя, фельдмаршал принял решение сменить сражавшиеся с раннего утра полки Дохтурова 8-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта М. М. Бороздина 1-го.

Корпус Бороздина имел в своем составе 2-ю гренадерскую и 27-ю пехотную дивизии, которыми командовали генерал-майоры принц Карл Мекленбургский и Д. П. Неверовский. Накануне сражения он насчитывал 10581 человек и 132 орудия¹¹¹. Получив приказание Кутузова, генерал Бороздин выдвинул свои части к Мало-ярославцу. Одесский пехотный полк 27-й дивизии был, согласно рапорту генерала Неверовского, «отряжен под начальством командующего первой бригадой полковника Кологривова** по правую сторону одного города для прогнания сильного неприятеля, занявшего лес, что исполнил, поощряемый примером своего начальника, с быстротой и мужеством, после чего удержал оный до самой ночи, отражая штыками ежеминутно наступавшего неприятеля». На усиление правого крыла, то есть 12-й дивизии корпуса Раевского, Неверовский выслал также Симбирский пехотный полк под командой майора Полоскова. В своем рапорте от 16.10.1812 генерал отмечает, что этот полк, «откомандированный вправо, удерживал с мужеством данное ему для охранения место и высланными от него стрелками прогонял неприятеля, на него наступающего»¹¹². Оба пехотных полка 27-й дивизии, посланные на правый фланг, насчитывали вместе 1501 человек (699 в Одесском полку и 802 в Симбирском)¹¹³.

Другая часть 27-й пехотной дивизии была направлена на левое крыло боевого порядка, сменив там обескровленные части Дохтурова. Здесь, как свидетельствует генерал-майор Неверовский, были поставлены Тарнопольский и Виленский пехотные полки, которыми командовали майоры Космачевский и Безобразов. Первый из этих полков имел в своем составе 798 человек, а второй – 807¹¹⁴. При них находился и сам начальник 27-й дивизии, под командой которого тарнопольцы и виленцы «ходили в штыки для вытеснения неприятельских колонн из города с левой стороны, несколько раз его (неприятеля. – А. В.) опрокидывали»¹¹⁵.

В бою за Малоярославец вместе с пехотой 27-й дивизии активно участвовала и приданная ей артиллерия, а именно – 54-я легкая рота 27-й артиллерийской бригады. В рапорте генерала Неверовского командиру 8-го пехотного корпуса указано, что эта рота, возглавляемая подполковником Налетовым, «цельным и искусным действием отражала сильного неприятеля, покушавшегося выйти из города, и обращала его неоднократно назад, способствуя тем нашим колоннам снова опрокидывать его и прогонять в город»¹¹⁶.

Введя в бой 27-ю пехотную дивизию Неверовского, генерал-лейтенант Бороздин оставил пока в резерве 2-ю гренадерскую дивизию принца Мекленбургского. В составе последней было 6 гренадерских полков (12 батальонов) и 3 роты артиллерии (36 орудий). Накануне сражения она насчитывала 5103 человека, в том числе 4513 пехотинцев и 590 артиллеристов¹¹⁷.

Солнце уже клонилось к горизонту, освещая поле сражения своими закатными лучами. В это время войска Евгения Богарне в очередной раз попытались продвинуться к югу от Малоярославца. Вышедшие из города и садов колонны наполеоновской пехоты были встречены картечными залпами русских батарей и ружейным огнем стрелков. Русские пехотные батальоны,

* А. П. Ермолов в своих записках называет эти полевые укрепления редутами. Работа над ними продолжалась и в ночь на 13 октября 1812 г.

** Полковник А. С. Кологривов являлся шефом 49-го егерского полка и в октябре 1812 г. возглавлял 1-ю бригаду 27-й пехотной дивизии. Одесским пехотным полком тогда командовал майор 50-го егерского полка С. Л. Тихоновский, который в бою при Малоярославце был ранен, также как и командующий одним из батальонов штабс-капитан Каменский.

составлявшие боевую линию на расстоянии пушечного выстрела от Малоярославца, устремились вперед, чтобы подкрепить своих стрелков и опрокинуть французов ударом в штыки.

В этом эпизоде отличились Нижегородский и Орловский пехотные полки 26-й дивизии, которые располагались тогда в центре русской позиции под командой генерал-майора И. Ф. Паскевича. Нижегородский полк, возглавляемый майором П. П. Акерманом, имел в строю 787 человек, а стоявший слева от него Орловский полк майора П. С. Берникова – 728^{*118}. За их действиями наблюдал сам фельдмаршал Кутузов, который в окружении многолюдной свиты находился у Калужской дороги. На его глазах генерал Паскевич смело атаковал противника и, вогнав его обратно в Малоярославец, захватил большую часть города. Командование особо отметило этот подвиг будущего покорителя Варшавы. «Когда же под вечер неприятель наступал на наш центр большими силами, – отмечал генерал Раевский в приложении к своему рапорту на имя Кутузова, – он (Паскевич. – А. В.) при личном присутствии Вашего превосходительства ударил с двумя колоннами в штыки, которыми выбил неприятеля из города, побрал многих в плен и множество уничтожил»¹¹⁹. В числе офицеров, отличившихся в этом деле, были командующий Нижегородским пехотным полком майор П. П. Акерман и командующие его 1-м и 3-м батальонами штабс-капитан Ф. Д. Шеин 1-й и капитан С. К. Юлегин.

При отражении французов, пытавшихся выйти на Калужскую дорогу, великолепно действовали русские артиллеристы. Полковник лейб-гвардии конной артиллерии П. А. Козен подъехал с несколькими заряженными картечью орудиями своей батареи прямо к шлагбауму Калужской заставы, где, по его воспоминаниям, «едва мог выстроиться на месте, усеянном убитыми и ранеными». Густые колонны французской пехоты были уже совсем близко от орудий, когда Козен «произвел смертоносный огонь по неприятелю» и «остановил в том же месте дальнейшее покушение его до самого конца сражения»¹²⁰. При этом отличились 1-й гвардейской конной батареей поручик Гербель 5-й, подпоручики Гижицкий и Гардер. «Когда неприятель порывался из города на Калужскую дорогу», – эти три офицера, как сказано в наградном списке, – «были полковником Козеным (П. А. Козеном. – А. В.) поставлены каждый с двумя орудиями у самого шлагбаума и вырвавшего(ся) уже неприятеля на дорогу, который наносил вред нашей пехоте, мужеством впереди наших стрелков действуя из своих орудий картечью, опрокинули неприятельскую пехоту и прогнали стрелков его»¹²¹. Гижицкий и Гардер за этот подвиг были пожалованы орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, а поручик Гербель 5-й, уже имевший такую награду, получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». Что касается самого полковника Козена, то он за Малоярославец был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Принц Евгений Богарнэ уже ввел в бой, гремевший на правой стороне Лужи, почти всю пехоту своего корпуса (кроме двух батальонов). Несмотря на расстройство своих дивизий, изнуренных лобовыми атаками против сильнейшей русской позиции, вице-король не терял хладнокровия и уверенности в победе. Он прочно удерживал в своих руках переправу и прилегающую к реке часть города, надеясь на прибытие свежих войск, обещанных ему Наполеоном.

Был уже вечер, когда французы получили, наконец, подкрепление, о котором генерал Богарнэ давно просил императора. Польский офицер граф Роман Солтык, состоявший тогда в свите Наполеона, вспоминал, что в ответ на устное донесение о тяжелом положении IV корпуса французский император ответил посланцу принца Евгения: «Возвращайтесь к вице-королю и скажите ему, что раз он начал пить из кубка, то должен осушить его до дна. Я приказал Даву поддержать его»¹²². Во исполнение этого приказа 5-я пехотная дивизия генерала Ж.-Д. Компана, следовавшая по Боровской дороге в голове I корпуса Великой армии, была от д. Мелечкино послана к Малоярославцу на помощь войскам вице-короля. В состав этой дивизии входили 25-й, 57-й, 61-й и 111-й полки французской линейной пехоты, которыми командовали полковники Дюнем, Дюшен, Буж и Жюйе. Эти прославленные части, имевшие в своих рядах немало закаленных ветеранов, были, однако, сильно обескровлены потерями, понесенными в Шевардинском бою и при Бородино. Под Малоярославцем вся дивизия Компана, состоявшая из 18 батальонов, насчитывала не более 5000 человек. Она разделялась на две бригады, возглавляемые генералами П.-Ж.-С. Гюйардэ и Л. Лоншаном¹²³.

* Численность обоих полков дана по состоянию на 11 октября 1812 г.

** Согласно воспоминаниям П. А. Козена, орудий было четыре, однако наградной список с описанием подвигов офицеров лейб-гвардии конной артиллерии определенно указывает, что их было шесть.

В пять часов вечера* дивизия Компана подошла к р. Луже и по мосту переправилась на ее правый берег. Оставив часть своих сил в нижнем городе, недалеко от пешего полка итальянской гвардии, она двинулась влево, перешла овраг, находившийся к востоку от Спасской слободы, и развернулась в боевую линию параллельно дороге на Чуриково. Рассыпав перед фронтом своей дивизии множество стрелков, генерал Компан направил их в обход правого крыла русских. Для этой цели французы пытались использовать овраг, тянущийся от берега Лужи до Леташевской дороги, но им помешали русские стрелки, поддержанные отдельными батальонами и артиллерией корпуса Раевского. Батареи, составленные из орудий 12-й артиллерийской бригады, встречали неприятеля метким огнем, а пехота – ружейной пальбой и штыковыми контратаками.

С прибытием 5-й пехотной дивизии корпуса Даву численность наполеоновских войск, сражавшихся на правом берегу Лужи, достигла 20000 человек. С русской стороны против них действовало около 30000 пехотинцев и артиллеристов**. Кроме того, под Малоярославцем находились еще два русских пехотных корпуса, имевших в своем составе свыше 22000 человек при 162 орудиях***, а также довольно многочисленная конница (более 6000 всадников регулярной кавалерии и не менее 10000 казаков). К французам тогда уже подошли 1-й и 2-й корпуса генералов А.-Л. Сен-Жермена и О. Себастьяни, после чего под Малоярославцем собралась почти вся резервная кавалерия Великой армии под командой маршала И. Мюрата (более 4000 человек при 43 орудиях). Вместе с конницей из корпуса Богарнэ на Буниной горе и у д. Мелечкино находилось теперь более 5500 наполеоновских кавалеристов. В дальнем резерве у д. Городня была сосредоточена гвардия Наполеона (две пехотные и одна кавалерийская дивизии) под начальством маршалов Ф.-Ж. Лефевра и Ж.-Б. Бессьера.

Когда французская артиллерия, приданная резервной коннице Мюрата, прибыла по Боровской дороге к Буниной горе, часть ее, возглавляемая полковником Т.-Ж.-Ж. Серюзье, была по просьбе вице-короля направлена к р. Луже, чтобы поддержать войска, сражавшиеся на ее правом берегу*. Этот отличный офицер, командовавший артиллерией II кавалерийского корпуса, сумел отыскать в стороне от Малоярославца подходящий брод. Однако, перед тем как перевезти через реку свои орудия и зарядные ящики, полковник Серюзье должен был переправить 18 канониров, которые с помощью лопат и кирок сгладили крутой обрыв противоположного берега. Напротив брода, на правой стороне Лужи, находился лесок, закрывавший это место от русских. Переправившись за реку, французские конные артиллеристы расположились в указанной роще. После короткой подготовки они галопом вынеслись оттуда на открытую позицию, быстро развернули свои орудия в батарею и внезапно осыпали русских гранатами и картечью. Этот смелый маневр полковника Серюзье увенчался успехом: русская пехота, неожиданно обстрелянная с тыла французской артиллерией, была приведена в расстройство, понесла огромные потери**126.

Ободренные прибытием дивизии Компана, войска вице-короля, находящиеся на правом берегу Лужи, сделали вновь решительное усилие и дружным натиском выбили русских из Малоярославца. Идя буквально по трупам, колонны французской и итальянской пехоты, возглавляемые генералами Гийемино, Брусье и Галимберти, выдвинулись на окраину города и в сады. Отброшенные с большим уроном полки Раевского и Бороздина вынуждены были отступить на пушечный выстрел от города, под защиту своей артиллерии и строящихся земляных укреплений.

Кутузов, обеспокоенный этим обстоятельством, направил на подкрепление корпуса Бороздина 3-ю пехотную дивизию, взятую из 3-го пехотного корпуса графа Строганова. Эта дивизия, возглавляемая генерал-майором князем И. Л. Шаховским, считалась одной из лучших в

* Это время указано в рапорте принца Евгения Богарнэ императору Наполеону от 14 (26) октября 1812 г. Ложье в своем дневнике ошибочно утверждает, что дивизия Компана вступила в бой после 9-ти часов вечера (одновременно с 3-й пехотной дивизией генерала Жерара)¹²⁴.

** Количество французских и русских войск указано без учета потерь, понесенных ими с начала сражения.

*** Согласно ведомости от 11 октября 1812 г. 3-й пехотный корпус насчитывал 12246 человек и 72 орудия. В 5-м пехотном (гвардейском) корпусе по ведомости от 8 октября было 9987 человек и 90 орудий¹²⁵.

* Французские источники не указывают количество орудий, которыми располагал полковник Серюзье. До сражения при Винкове конная артиллерия II кавалерийского корпуса насчитывала 29 пушек и гаубиц, однако 6 (18) октября 1812 г. значительная часть их была захвачена казаками.

** В мемуарах Серюзье указано, что этот эпизод произошел в середине дня, когда в сражении участвовал только корпус Богарнэ. Цезарь де Ложье относит маневр Серюзье к более позднему времени, уже после вступления в бой войск маршала Даву.

русской армии. Перед сражением она насчитывала 3901 человек (3487 пехотинцев и 424 артиллериста) при 36 орудиях¹²⁷.

Одновременно русский главнокомандующий приказал генерал-лейтенанту П. П. Коновницину снова овладеть Малоярославцем. «Ты знаешь, – сказал он своему дежурному генералу, – как я тебя берегу и всегда упрощаю не кидаться в огонь, но теперь прошу тебя очистить город»¹²⁸. Исполняя повеление фельдмаршала, Коновницын лично повел в Малоярославец части 2-й гренадерской дивизии 8-го пехотного корпуса.

По приказанию начальника этой дивизии в западную часть города был послан Астраханский гренадерский полк, шефом которого был сам принц Карл Мекленбургский. Этот полк накануне боя имел в своем составе 786 человек¹²⁹. В наградном списке сказано, что командующий им капитан И. М. Татаринов «пошел... в левую часть города, где с отличной храбростью ведя полк свой, употреблял оный на поражение неприятеля, который был им прогнан даже за реку». Штабс-капитан Евдокимов и капитан барон Болен «во время сражения были с командуемыми ими батальонами в сильнейшем огне неприятельском, и решительностью своею и хладнокровием вселяли мужество и храбрость в нижних чинах». Поручик Оголин, командуя 1-й фузilierной ротой, находился с ней в стрелках и «был первый, который очистил левую часть города». Преследуя французов, этот смелый и предприимчивый офицер «сильным нападением и чрезвычайным порядком, с каким действовали стрелки его, прогнал неприятеля даже за реку, откуда уже он под сильным батальным огнем двух французских батальонов, с великой расторопностью, без значущей потери присоединился к полку, и между тем успел взять в плен 6 неприятельских вольти-жеров». Когда французы, усилившись, вытеснили астраханских гренадеров из западной части города, последние смогли быстро устроиться и вторично очистить ее от противника. В этом эпизоде отличился штабс-капитан Фохт, который «при вступлении полка в другой раз в город, был отряжен с командуемой им 3-й фузilierной ротой в стрелки, совсем с левой стороны города, где он (а) рассыпан (а) был (а) в садах, откуда с величайшей расторопностью выгнал стрелков неприятельских и, собрав оных вместе, под сильным ружейным огнем неприятеля умел соединиться с полком без значущей потери». Кроме того, были отмечены за свою храбрость и другие обер-офицеры Астраханского гренадерского полка – поручики Юницкий и Картамышев (во главе 2-й и 7-й фузilierных рот они были «отряжены... для особенного поражения неприятеля, что и исполнено ими было весьма удачно»), поручик Филитов, подпоручики Яковлев 2-й (батальонный адъютант) и Яковлев 4-й, а также прапорщики Битнер, Левшин и Саврасов¹³¹.

Сибирский и Малороссийский гренадерские полки, составлявшие 3-ю бригаду дивизии принца Мекленбургского, были посланы в восточную часть Малоярославца. Эта бригада, которой командовал шеф Малороссийского гренадерского полка полковник В. А. Гессе, насчитывала 1519 пехотинцев (735 в Сибирском полку и 784 – в Малороссийском). Ей, кроме того, были приданы 74 человека, 80 лошадей и 8 орудий 21-й легкой роты 2-й артиллерийской бригады (по 4 орудия при каждом полку)¹³². Войдя в город, гренадеры полковника Гессе показали себя опытными, умелыми бойцами. В их рядах не было рекрутов последнего набора и ополченцев, преобладали старые, рослые усачи, которые прошли не одну кампанию и хорошо владели штыком. Сильным ударом они выбили противника из Спасской слободы и прогнали его к реке. Об этом успехе гренадеров свидетельствуют наградные документы, описывающие подвиги их офицеров. В этих списках указано, что командующий Малороссийским гренадерским полком майор М. В. Мирянский «был отряжен при вступлении в город на правую сторону» и, «встретя в середине одного две большие неприятельские колонны, бросаясь на оные в штыки, положил на месте большое количество, а остальных обратил в бегство, преследуя до самой реки, нанеся большой вред неприятелю, прогнавши одного за реку, остановился на берегу, где и находился до самого вечера». Возглавлявший один из батальонов того же полка штабс-капитан Остроградский 2-й, «когда неприятель был прогнан за реку, ... был послан с батальоном для занятия правой стороны берега, где усилился неприятель, что он и исполнил, и, встретя, опрокинул неприятеля». Среди отличившихся обер-офицеров полка следует отметить прапорщика Лаппа-Данилевского, который «входя в город с охотниками, ... выгнал неприятеля, засевшего в домах и садах, и преследовал «до самой реки, где и присоединился к полку». Вместе с малороссийскими гренадерами в Малоярославце храбро сражались артиллеристы 21-й легкой роты. Так, например, подпоручик Калита получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом за то, что «был с двумя орудиями в середине города при полку, наносил цельными выстрелами неприятелю большой вред, и когда неприятель был прогнан за реку, шедшие на подкрепление неприятельские колонны встречены

картечью с большим уроном, и принудил неприятеля ретироваться». Сибирский гренадерский полк также дрался превосходно. Командовавший им майор Федор Энин «при вступлении внутрь города был отражен выгнать неприятеля с изб и садов», причем «сие исполнено им отлично храбро, в течение весьма малого времени». Далее в наградном списке сказано, что он, «принудив неприятеля ретироваться до реки,... занял назначенные ему места на берегу»¹³³.

Из состава 3-й пехотной дивизии князя Шаховского, вступившей в боевую линию уже поздним вечером, активное участие в бою принял только один Ревельский пехотный полк, который был еще раньше послан на правое крыло в распоряжение генерала Раевского*. Этот полк, возглавляемый своим командиром полковником Я. С. Желвинским, за несколько дней перед сражением имел в строю 22 офицера, 33 унтер-офицера и 723 рядовых (в том числе 581 рекрут)¹³⁴. Среди офицеров этого полка, отличившихся под Малоярославцем, были прапорщики Поздняков, Семенихин, Романов и барон Сакен, которые «быв с охотниками в стрелках... примерною своею храбростью и мужественным духом... выгнали неприятеля из саду... и тем самым удержали место». При этом Романов убил в схватке одного неприятельского офицера, а другого взял в плен, за что и был потом награжден орденом св. Анны 3-го класса¹³⁶.

Было уже темно*, когда к французским и итальянским войскам, действующим на правом берегу Лужи, присоединилась еще одна дивизия из корпуса маршала Даву, подошедшая к Малоярославцу вслед за дивизией Компана. Это была 3-я пехотная дивизия генерала М.-Э. Жерара (7-й легкий, 12-й, 21-й и 127-й линейные полки), которая тогда насчитывала примерно 4000 человек. Двумя составлявшими ее бригадами командовали бригадные генералы Л.-Н.-М. Леклер и Г.-Ж. Фабр, а полками – полковники Ром, Бодино, Телье и Шеффер¹³⁷. Дивизия Жерара должна была переправиться через Лужу не по основному мосту, а в 500 метрах выше его по течению, у мельничной плотины, возле которой французские саперы устроили временный мост на козлах**. Первыми перешли реку 7-й легкий и 12-й линейный полки французской пехоты. После оживленной перестрелки они оттеснили русских стрелков к оврагу, тянувшемуся западнее города, под острым углом к дороге, проходившей вдоль Лужи к деревне Карижа. Вскоре вся дивизия Жерара, собравшись на правой стороне реки, продвинулась за вышеупомянутую дорогу и развернулась в боевую линию параллельно ей, на опушке леса. Своим правым флангом она примкнула к оврагу, за который были вынуждены отступить войска русского левого фланга. Заняв эту позицию, дивизия Жерара принудила русских отвести назад батарею, стоявшую на опушке леса и причинявшую французам большие потери¹⁴¹.

Генерал от инфантерии Дохтуров, чей корпус тогда находился на расстоянии пушечного выстрела от Малоярославца, но содержал к западу от города, на левом берегу Лужи, линию своих стрелков, был извещен о переправе французов на этом участке. Первым ее обнаружил старший адъютант ко-мандира 8-го пехотного корпуса поручик Киевского гренадерского полка Александрович, который по приказанию Дохтурова был послан генералом Бороздиным для осмотра левого фланга. Этот офицер «с отличной храбростью и мужеством открыл, что неприятель имеет намерение переправиться через реку и видя, что стрелки Либавского пехотного полка не могут долго удерживать умножающихся неприятельских стрелков, в подкрепление оных взял сто человек Московского пехотного полка и подкрепив оными фланг, сам первый дал знать о намерении неприятеля генералу от инфантерии Дохтурову»¹⁴².

Полученное известие сильно обеспокоило командира 6-го пехотного корпуса. Опасаясь обхода своего левого фланга французами, он приказал генерал-лейтенанту П. М. Капцевичу усилить действовавшие там части Московским пехотным полком своей дивизии. Этот полк, которым командовал майор Я. И. Невгадов, насчитывал за несколько дней до сражения 28 офицеров, 42 унтер-офицера, 30 музыкантов и 765 рядовых, всего 865 человек¹⁴³. С начала боя он находился в центре позиции, левее Калужской дороги, прикрывая стоявшую там батарею 7-й

* Ревельский полк действовал там вместе с двумя полками 27-й пехотной дивизии (Одесским и Симбирским). По-видимому, некоторое участие в бою принял также Муромский пехотный полк 3-й дивизии, о чем свидетельствует потеря, понесенные им 12 октября 1812 г. (68 рядовых, в том числе 13 убитых, 33 раненых и 22 пропавших без вести)¹³⁵.

** Ц. де Ложье указывает, что дивизия Жерара вступила в сражение после 9 часов вечера. Косвенно этот факт подтверждается и рапортом вице-короля от 14 (26) октября 1812 г. «Неприятель отступил на свои позиции поздно ночью, – говорится в этой реляции. – Два полка 3-й дивизии перешли реку по плотине и после довольно сильной ружейной перестрелки вся дивизия расположилась в лесу, на опушке которого была русская батарея, ее принуждены были увести»¹³⁸. Некоторые источники (в частности, Э. Лабом и Ф. Г. де Водонкур) считают, что дивизия Жерара переправилась через Лужу несколько раньше, вскоре после дивизии Компана¹³⁹.

** А. Фэн в своей «Рукописи 1812 года» указывает, что дивизия Жерара перешла реку по мосту на козлах, построенному выше основного моста, хотя в рапорте Богарнэ, как видно из предыдущей сноски, речь идет о плотине.

артиллерийской бригады. Вечером, уже в темноте, он был послан на левый фланг, чтобы выбить переправившихся через реку французов из занятого ими леса. Прибыв туда, москвичи, возглавляемые командиром 1-й бригады 7-й пехотной дивизии полковником Д. П. Ляпуновым*, соединились с Уфимским пехотным полком** и 3-м батальоном Полоцкого полка. Эти 5 батальонов русской пехоты, объединенные под начальством полковника Ляпунова, выслали вперед стрелков и расположили в выгодных местах свою полковую артиллерию (пушки, выделенные из 12-й и 46-й легких рот)¹⁴⁴. Отбросив французских вольтижеров, они обеспечили левый фланг русского боевого порядка от возможного обхода, но не смогли помешать переправе и развертыванию всей дивизии генерала Жерара.

Тем временем в самом Малоярославце наполеоновские войска добились, наконец, перелома. Уже в темноте, при свете пожара, дивизии Богарнэ окончательно вытеснили русскую пехоту из города и утвердились на его окраинах. Артиллерия IV корпуса Великой армии, проехав по заваленным телами улицам Малоярославца, выдвинулась на позиции впереди городской черты. Отсюда ее орудия могли оказывать поддержку собственной пехоте и вести огневую дуэль с русскими батареями.

Русские пехотные части, между тем, покинули Малоярославец и присоединились к своим товарищам, стоявшим на расстоянии пушечного выстрела от города. Лишь артиллерия продолжала поддерживать канонаду, да стрелки, находившиеся впереди боевой линии, вели интенсивную перестрелку с французскими вольтижерами.

Последними оставили город гренадерские полки из дивизии принца Карла Мекленбургского, при которых находился дежурный генерал армии Кутузова генерал-лейтенант П. П. Конов-ницын. В этот день он уже неоднократно водил войска в бой (по воспоминаниям офицера квартирмейстерской части А. А. Щерби-нина, находившегося в его свите в день сражения, – семь раз), французские пули и ядра миновали этого храброго генерала, одна-ко сопровождавший его полевой инспектор почт Ф. О. Долива-Добровольский бы ранен¹⁴⁶. Не менее храбро вел себя «исправляющий должность» генерал-квартирмейстера русской армии полковник К. Ф. Толь, который во время сражения трижды побывал в Малоярославце вместе со своим адъютантом штабс-капитаном Бравковым и капитаном квартирмейстерской части Теннером¹⁴⁷.

При отступлении из города русские войска сознательно поджигали дома и другие постройки Малоярославца, о чем свидетельствуют, в частности, наградные документы*. Так, поручик Астраханского гренадерского полка Гессель 2-й «был два раза откомандирован с командуемой им 9-й фузилерной ротой для зазжения разных частей города, что и исполнял он с большой расторопностью»¹⁴⁸. Известно также, что генерал Дохтуров лично послал в Малоярославец двух охотников (добровольцев) из числа нижних чинов 7-й батарейной роты. Их снабдили порохом и фитилями, приказав поджечь уцелевшие строения, что и было исполнено¹⁴⁹. Эти поджоги играли на руку русским, так как пожар, ярко освещая местность, позволял следить за всеми движениями французов при выходе из города. Русская артиллерия направляла свои выстрелы туда, где собирались французы для тушения горящих домов и сараев.

К 10-ти часам вечера обе стороны прекратили артиллерийскую канонаду, хотя ружейная перестрелка продолжалась до 11-ти часов. Ночью, однако, Астраханский гренадерский полк, находившийся на левом крыле, снова вступил в западную часть Малоярославца, которую перед тем уже дважды занимал и удерживал с помощью Тарнопольского и Виленского пехотных полков 27-й дивизии. В данном случае ему опять удалось проникнуть в город, поджечь уцелевшие дома и отступить почти без всякого урона. По данным наградного списка астраханские гренадеры оставили западную окраину Малоярославца лишь в два часа ночи, собрав все ранее откомандированные роты (в том числе 1-ю фузилерную роту поручика Оголина, приведшую с собой 6 пленных французов)¹⁵¹. Потери, понесенные полком 12 октября 1812 г., были на удивление малы – всего 13 рядовых (3 убитых, 6 раненых и 4 пропавших без вести)¹⁵². Среди офицеров-астраханцев во время ночных действий особенно отличился командир 2-й фузилерной

* Полковник Д. П. Ляпунов был шефом Псковского пехотного полка, входившего в одну бригаду с Московским полком.

** Уфимский пехотный полк, командуемый майором Н. П. Демидовым, входил в состав 24-й пехотной дивизии корпуса Дохтурова. По ведомости от 8 октября 1812 г. он насчитывал 854 человека¹⁴⁵.

* Русские поджигали дома и в самый разгар сражения, но лишь в тех случаях, когда это диктовала боевая обстановка. Например, подпоручики 11-го егерского полка Чепелев, Тимотин и Загурский «будучи откомандированы майором Старо-вым с командою для зазжения строений, зашедшего (в них) неприятеля, который наносил нашим стрелка большой вред, из коих... выгнав... зажгли оные...»¹⁵⁰.

роты поручик Юницкий, который «в самую полночь был послан с несколькими человеками стрелков для разведывания о неприятеле». Вместе с этими солдатами он «зашел в самый низ города и тайным образом прополз в сады, где неприятеля было заседшего довольно количество, и услышав там по разговору стрелков и офицеров неприятельских намерения их, донес полку, который уже по рапорту его сделал нужную диверсию»¹⁵³.

«Ночь и утомление положили конец этому жестокому сражению, – писал Э. Лабом, – и только к десяти часам вице-король со своим генеральным штабом смог отдохнуть после таких тяжелых трудов. Мы расположились между городом и р. Лужей. Остальные отряды расположились на всех позициях, которые они так славно отбили у неприятеля»¹⁵⁴. Наполеоновские войска, собранные на правой стороне Лужи, располагались тогда следующим образом. 3-я и 5-я пехотные дивизии генералов Жерара и Компана из корпуса Даву стояли по обеим сторонам города, образуя соответственно правый и левый фланги боевого порядка, 13-я пехотная дивизия корпуса Богарнэ, возглавляемая бригадным генералом Гийемино, занимала центр города (в т. ч. Соборную площадь и Калужскую заставу) и его западную часть, имея справа от себя дивизию Жерара. 14-я пехотная дивизия генерала Бруссье развернула одну бригаду впереди восточной части города (левее Калужской дороги), а другую – впереди Спасской слободы, правее дивизии Компана. Итальянская 15-я пехотная дивизия, которой командовал бригадный генерал Галимберти, была отведена в резерв и разместилась в овраге между городом и Спасской слободой. Пешие егеря королевской гвардии отошли вечером ближе к Малоярославцу и соединились с гренадерами и карабинерами, покинувшими свою позицию у церкви Спаса. Теперь оба гвардейских полка находились впереди Спасского предместья (в садах), между двумя бригадами 14-й дивизии. Численность французских и итальянских войск, находящихся в Малоярославце и по сторонам от него, составляла около 26 тысяч бойцов (без учета потерь, понесенных в сражении). На левом берегу Лужи и Боровской дороге (между Малоярославцем и Городней) были расположены остальные дивизии I корпуса, резервная кавалерия Мюрата и наполеоновская гвардия. На подходе к Городне был также III корпус Великой армии, возглавляемый маршалом М. Неем. Эти войска насчитывали около 44 тысяч человек, так что всего в распоряжении Наполеона имелось около 70 тысяч офицеров и солдат¹⁵⁵. Сам император по окончании сражения уехал в деревню Городня, где остановился на ночлег в простой крестьянской избе.

Русские войска к десяти часам вечера располагались полукольцом вокруг Малоярославца, прикрывая все дороги, ведущие на юг от него, в том числе и Калужскую. В первой линии, примерно в километре от города, были построены пехотные корпуса Дохтурова, Раевского и Бороздина, а также 3-я пехотная дивизия из корпуса графа Строганова. Они опирались на редуты, сооруженные по приказу Кутузова. На правом фланге (против французской дивизии Компана) находилась 3-я пехотная дивизия князя Шаховского и часть 27-й дивизии, несколько левее стояли 12-я пехотная дивизия генерал-майора Колюбакина и два полка 26-й дивизии. Далее, прикрывая дороги на Серпухов и Марьино, располагалась 2-я гренадерская дивизия принца Мекленбургского (без Астраханского полка). В центре занимали позицию два полка 26-й пехотной дивизии под начальством генерал-майора Паскевича, а на левом крыле – 6-й пехотный корпус Дохтурова и часть 8-го корпуса (Астраханский полк 2-й гренадерской дивизии и два полка 27-й пехотной дивизии генерал-майора Неверовского). Здесь же, восточнее деревни Терентьево, разместился 1-й кавалерийский корпус барона Меллера-Закомельского, прикрывавший дорогу на Медынь*. Еще дальше влево, у деревни Карижа (за одноименной речкой), находилась конница отряда Дорохова, ранее стоявшая на крайнем правом фланге (у Чурикова), а еще левее, протянув свою линию до деревни Панское, – казачий корпус Платова.

Во второй линии, на расстоянии 2,5 километра от Малоярославца, располагались резервы: справа (между дорогами на Марьино и Серпухов) – 1-я гренадерская дивизия 3-го пехотного корпуса, в центре (правее Калужской дороги, впереди деревни Немцово) – гвардейская пехотная дивизия 5-го корпуса, и слева (левее дороги на Калугу) – 1-я и 2-я кирасирские дивизии под командой генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына.

В конце сражения к Малоярославцу подошли войска генерала от кавалерии М. А. Милорадовича (2-й и 4-й пехотные корпуса генерал-лейтенантов князя С. Н. Долгорукова 2-го и графа А. И. Остермана-Толстого, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, объединенные под командой генерал-майора барона Ф. К. Корфа, и 4-й кавалерийский корпус генерал-майора И. В. Васильчикова, всего около 22000 человек и 150 орудий). Сделав 50-километровый переход, они

* 1-й кавалерийский корпус перешел на эту новую позицию с правого крыла (от Серпуховской дороги).

своим неожиданным прибытием вызвали радостное удивление Кутузова. «Ты ходишь скорее, чем летают ангелы», – сказал генералу Милорадовичу обрадованный фельдмаршал¹⁵⁶. Свернув с дороги из Спас-Загорья, эти вновь прибывшие корпуса образовали левое крыло второй линии, встав по обеим сторонам Серпуховской дороги (правее 1-й гренадерской дивизии)** . Вместе с ними численность русских регулярных войск, собранных под Малоярославцем, составила более 87000 человек при 622 орудиях* . Кроме того, здесь находились еще 24 казачьи полка** и одна рота Донской артиллерии, насчитывавшие около 10000 всадников и 12 конных орудий. С учетом потерь, понесенных в сражении 12 октября, вся армия Кутузова имела в своих рядах около 90 тысяч человек.

С наступлением ночи главные силы Кутузова отошли еще дальше к югу от Малоярославца. Перейдя на левый берег речки Карижки, имевшей весьма глубокое и овражистое русло, они заняли выгодную оборонительную позицию на немецких высотах. Здесь русская армия рассчитывала остановить французов, если те будут продолжать свое движение по Калужской дороге. Редуты, сооруженные недалеко от Малоярославца, были брошены, а орудия с них свезены, однако под городом остался сильный русский арьергард под начальством Милорадовича.

Сам Кутузов разместил свою квартиру в деревне Немцово, в домике А. Н. Радищева. Здесь между ним и «исправляющим должность» генерал-квартирмейстера полковником К. Ф. Толем произошел спор, касающийся дальнейших действий русской армии. Последний предложил фельдмаршалу атаковать французов всеми русскими силами, отеснить их за Лужу, а затем преследовать Наполеона, если тот будет отступать дальше. Кутузов счел это предложение слишком рискованным, тем не менее Толь продолжал настаивать на своем мнении. В самый разгар этой беседы явился начальник штаба армии генерал от кавалерии барон Л. Л. Беннигсен. «Желаю Вашей светлости успеха во втором Эйлауском сражении, – сказал он фельдмаршалу, – французы по-видимому хотят во что бы то ни стало удерживаться в Малоярославце и завтра атаковать вас». «Вот слышишь, – продолжал Кутузов, обращаясь к Толю, – опытный генерал доносит мне, что неприятель хочет атаковать меня, а ты предлагаешь, чтобы я действовал, как отчаянный гусар. Нет! Нет! Лучше подготовимся его встретить»¹⁵⁹.

Каковы же были результаты боя при Малоярославце? Тактически он закончился победой наполеоновских войск, поскольку корпус Евгения Богарнэ, лишь вечером усиленный двумя дивизиями корпуса Даву, выполнил задачу, поставленную перед ним Наполеоном. Французские и итальянские войска, сражаясь с величайшим упорством в течение 18-ти часов, сумели сохранить в своих руках Малоярославец и прочно утвердиться на правом берегу р. Лужи. Впрочем, самого города уже не существовало – на его месте остались обгоревшие руины, заваленные телами убитых и заживо сгоревших солдат обеих сторон. «Улицы можно было различить только по многочисленным трупам, которыми они были усеяны, – описывал Э. Лабом внутренний вид Малоярославца на другой день после сражения, – на каждом шагу попадались оторванные руки и ноги, валялись раздавленные проезжавшими артиллерийскими орудиями головы. От домов остались лишь только дымящиеся развалины, под горящим пеплом которых виднелись наполовину развалившиеся скелеты»¹⁶⁰.

Французы и итальянцы считали себя победителями, о чем свидетельствуют все их репортажи, мемуары и другие источники. «Вчера был великолепный день для моего армейского

** При этом кавалерия расположилась позади 2-го и 4-го пехотных корпусов.

* Согласно ведомостям от 8 и 11 октября 1812 г, семь пехотных корпусов русской армии насчитывали 72204 человека и 566 орудий. Не учтенные в этих документах части (Вильманстрандский, Полоцкий, Софийский пехотные, 19-й егерский полки, 4 орудия конной роты № 5 и конная рота № 7) имели (по данным на 21 сентября и 6 октября) около 3800 человек и 16 орудий. Всего пехоты и приданной ей артиллерии было около 76000 человек и 582 орудия. 1-я и 2-я кирасирские дивизии под командой генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына на 8 октября 1812 г. насчитывали 3722 человека и 16 орудий, а 1-й кавалерийский корпус барона Е. И. Меллера-Закомельского (по данным на 11 октября) 2047 человек. Численность 2-го, 3-го и 4-го кавалерийских корпусов по сведениям на 6 октября составляла 4518 человек и 24 орудия¹⁵⁷. Нет точных данных лишь о составе Елисаветградского гусарского полка, входившего в отряд генерал-майора И. С. Дорохова, однако можно предположить, что к 12 октября он насчитывал не более 500 всадников. Всего в русской регулярной кавалерии (вместе с приданной артиллерией) было около 10700 человек при 40 конных орудиях. Кроме того, в армии Кутузова имелись еще два пионерных полка (6 рот), предположительно насчитывавших 500-600 человек (в трех ротах пионерного полка на 22 сентября было 297 человек¹⁵⁸, по-видимому столько же людей имел и 2-й полк). Таким образом, вся русская регулярная армия к 12 октября 1812 г. насчитывала свыше 87000 человек, однако вечером, вследствие потерь, понесенных в бою под Малоярославцем, она имела в строю не более 80 тысяч.

** 20 казачьих полков состояли под начальством атамана М. И. Платова, три полка в отряде Дорохова и один – в партии Сеславина. При казачьем корпусе Платова находилась также большая часть 20-го егерского полка, солдаты которого передвигались вместе с конницей на подводах.

корпуса, – писал после сражения принц Евгений Богарнэ своей жене, баварской принцессе Августе, – я имел дело с утра до вечера с восемью дивизиями противника, и я закончил его, сохранив мою позицию, французы и итальянцы покрыли себя славой»¹⁶¹. Генерал Компан, также в письме к супруге Луизе, сообщал, что его дивизия 12/24 октября «получила приказ поддержать армейский корпус, возглавляемый вице-королем, в довольно упорном бою, закончившемся, по обыкновению в нашу пользу»¹⁶². На протяжении всего боя войскам Богарнэ пришлось действовать против постоянно усиливавшегося неприятеля, располагавшего более многочисленной и выгодно расположенной артиллерией. «Ваше величество могли судить сами, – отмечал вице-король Италии в своем рапорте Наполеону, – о тех усилиях, которые IV армейский корпус должен был сделать, чтобы отнять у превосходящих сил (противника) столь грандиозную позицию, как малоярославецкая»¹⁶³.

Этот тактический успех был достигнут, однако, весьма дорогой ценой. Принц Евгений Богарнэ в своем рапорте от 14 (26) октября сообщил Наполеону, что потеря IV корпуса Великой армии при Малоярославце по предварительным данным «может быть оценена примерно в 3500 человек, выбывших из строя, в том числе более 400 убитых»¹⁶⁴. Несколько большую цифру назвал в своем дневнике Цезарь де Ложье. «По первым сведениям выясняется..., – писал он, – что мы потеряли более 4000 человек»¹⁶⁵. Однако и это число представляется заниженным, особенно в сопоставлении с достоверными сведениями о потерях командного состава наполеоновских войск. В бою при Малоярославце последние потеряли убитыми двух генералов (Дельзона и Левье) и 88 офицеров, что никак не может соответствовать общему числу в 400 погибших. Шесть генералов (Бруссье*, Пино, Бертран де Сиврэ, Серран, Фонтана и Джиффленга**) и 241 офицер были ранены¹⁶⁶. В среднем офицерские и солдатские потери французской армии в боях и сражениях той эпохи соотносились как 1:20. В этом случае на 8 генералов и 329 офицеров, выбывших из строя под Малоярославцем, должно приходиться около 6700 унтер-офицеров и рядовых***. Таким образом, общий урон наполеоновских войск в бою 12 (24) октября 1812 г. мог достигать 7000 человек.

Половина этих потерь была понесена итальянцами, у которых выбыло из строя 4 генерала, 10 полковников, 18 прочих штаб-офицеров и 124 обер-офицера, всего 156 человек командного состава (в том числе 49 убитыми)¹⁶⁸. Особенно тяжелым оказался урон пеших егерей королевской гвардии, потерявших 35 офицеров, причем среди раненых находились полковник Перальди и майор Маргери. Очень велики были также потери итальянских полков 15-й пехотной дивизии: 3-го линейного (24 офицера), 3-го легкого (21) и 2-го линейного (18). У французов наиболее пострадали 84-й и 92-й линейные полки из 13-й пехотной дивизии, потерявшие по 17 офицеров каждый, и 35-й линейный полк 14-й дивизии, лишившийся 16 офицеров, включая своего командира полковника Пенана. В дивизиях I корпуса Великой армии, вступивших в бой только вечером, убыль была значительно меньше, чем в IV корпусе. Так, в частности, вся 5-я пехотная Компана (4 полка) потеряла столько же офицеров (13), сколько один 1-й сводный хорватский полк 13-й дивизии¹⁶⁹.

Следует отметить, что почти все потери наполеоновских войск в бою под Малоярославцем приходилось на убитых и раненых. Число пленных французов, по свидетельству одного из русских источников, «не превышало 200 человек, ибо ожесточенные наши солдаты во время неоднократных штурмов на город не давали пощады неприятелю»¹⁷⁰.

Самой тяжелой потерей была для французов смерть Дельзона, одного из лучших дивизионных генералов наполеоновской армии. «Монсеньор, – писал сразу после сражения начальник штаба 13-й пехотной дивизии полковник Буассероль де Буавийер, обращаясь к принцу Евгению Богарнэ, – 13-я дивизия потеряла своего генерала, смертельная пуля поразила его в момент, когда он со шпагой в руке вел свои войска против втрое сильнейшего числом неприятеля. Глубокая скорбь дивизии свидетельствует о том, насколько он был ей дорог, доверие, которое солдат имел к нему, было безграничным. Генерал Дельзон оставил жену и четырех детей без всякого состояния, своим жалованием генерал поддерживал свою многочисленную семью и 12 братьев. Один из этих братьев, его первый адъютант, должен был стать ему опорой, но он сам был

* Дивизионный генерал Ж.-Б. Бруссье был ранен легко и продолжал командовать своей дивизией.

** Бригадный генерал итальянской службы А. Джиффленга являлся адъютантом вице-короля. При Малоярославце он был ранен пулей в шею.

*** Для сравнения, например, в битве при Талавере (27 и 28 июля 1809 г.) французская армия короля Жозефа Бонапарта потеряла 326 человек командного состава и 7068 солдат (соответственно 73 и 871 убитыми, 252 и 6032 ранеными, 1 и 155 пленными)¹⁶⁷.

поражен пулей, оставшейся в его груди, так что следует опасаться за этого молодого и отличного офицера. Ваше Императорское Вы-сочество, соблагovolите милостиво принять просьбу, в которой я имею честь умолять Вас обеспечить этой несчастной семье благо-деяния Его Величества. Каждый солдат дивизии будет рассматри-вать их как личную награду за свою преданность». Это трогатель-ное прошение не осталось без ответа. «Весь IV армейский корпус глубоко сожалеет о потере генерала Дельзона, – сообщал вице-ко-роль Наполеону в своем рапорте о сражении под Малоярославцем. – Сказать Вашему Величеству, что он оставил жену, 4 детей и 12 братьев без средств, значит обеспечить их судьбу»¹⁷¹. Действитель-но, французский император достойно оценил качества погибшего генерала, назначив его родственникам большую пенсию.

Русские потери французы оценивали в 8000-9000 человек, в том числе 1500-1700 убитыми¹⁷². Надо заметить, что эти цифры были не слишком далеки от истины. Подлинные русские документы дают достаточно точные сведения о количестве офицеров и нижних чинов армии Кутузова, выбывших из строя при Малоярославце. Согласно сводной ведомости, составленной в декабре 1812 г. и подписанной тогдашним дежурным генералом Главной армии П. А. Кикиным, русские регулярные войска потеряли 12 и 13 октября 1812 г. под Малоярославцем 6665 человек, в том числе убитыми – 18 офицеров, 45 унтер-офицеров, 1214 рядовых и 5 нестроевых, ранеными – 128 офицеров, 147 унтер-офицеров, 2838 рядовых и 17 нестроевых, пропавшими без вести – 31 унтер-офицер, 2209 рядовых и 13 нестроевых. Там же указано, что в сражении было убито 57 и ранено 25 лошадей¹⁷³. В этой ведомости, однако, не учтены потери Вильманстрандского пехотного полка (1 офицер и 75 рядовых убитыми, 5 офицеров, 4 унтер-офицера и 71 рядовой ранеными, 36 рядовых пропавшими без вести)¹⁷⁴, а также артиллерии 6-го, 7-го и 8-го пехотных корпусов. Данные по артиллерии, к сожалению, не являются полными, т. к. отсутствуют сведения об уроне 24-й артиллерийской бригады 6-го корпуса, 12-й артиллерийской бригады 7-го корпуса и 32-й батареейной роты*. Из архивных документов известно, что в 7-й и 2-й артиллерийских бригадах 6-го и 8-го корпусов 12 октября 1812 г. вышло из строя 28 человек и 27 лошадей, в том числе убитыми – 5 рядовых, 1 нестроевой и 17 лошадей, ранеными – 2 офицера, 2 унтер-офицера, 15 рядовых и 10 лошадей, без вести пропавшими – 3 рядовых¹⁷⁵. Кроме того, в декабрьской ведомости о числе раненых не показаны генерал-майор И. С. Дорохов, который 14 октября был отправлен на излечение в Тулу, и полевой инспектор почт Ф. О. Долива-Добровольский. С учетом всех приведенных выше данных, общие потери русских регулярных войск в сражении под Малоярославцем составляли: 19 офицеров, 45 унтер-офицеров, 1294 рядовых и 6 нестроевых убитыми, 1 генерал, 136 офицеров*, 153 унтер-офицера, 2924 рядовых и 17 нестроевых ранеными, 31 унтер-офицер, 2248 рядовых и 13 нестроевых пропавшими без вести, всего 6887 человек. Количество убитых и раненых лошадей также следует увеличить с 82 до 109. Вышеуказанные цифры, впрочем, нельзя считать окончательными. По-видимому, урон, понесенный русской армией 12 и 13 октября 1812 г., достигал 7000 человек, так как к уже приведенному нами числу выбывших из строя людей следует добавить предполагаемые потери казаков Платова, а также конницы отряда Дорохова и партии Сеславина.

Обращает на себя внимание значительное количество пропавших без вести нижних чинов русской армии (2292 человека), однако, в подавляющем большинстве их следует считать погибшими. Неопознанные, зачастую полностью обгоревшие трупы этих солдат остались в занятом французами Малоярославце. Точное число русских воинов, павших 12 октября, определить сложно. Вероятно, оно составляло 3000-4000 человек, что косвенно подтверждает генерал-лейтенант П. А. Капцевич, который в своем письме к графу А. А. Аракчееву от 15 октября 1812 г. определил потери русских войск, понесенные ими при Малоярославце, в 3000 убитых и столько же раненых¹⁷⁷.

По корпусам русские потери распределялись следующим образом: 6-й пехотный корпус – 1866 человек, 7-й пехотный – 2732 и 8-й пехотный – 1357¹⁷⁸. В 3-м пехотном корпусе, потерявшем 286 человек, пострадали в основном Ревельский и Муромский полки 3-й пехотной дивизии (1-я гренадерская дивизия потеряла всего 9 человек, в том числе 2 офицера)¹⁷⁹. Из состава 4-го пехотного корпуса в сражении участвовали только 33-й егерский и Полоцкий пехотные полки, прикомандированные к отряду генерала Дорохова. Оба они потеряли 400 человек¹⁸⁰. В

* 26-я и 27-я артиллерийские бригады потерь не имели.

* В числе раненых при Малоярославце офицеров находились: командующий лейб-гвардии Уланским полком полковник М. И. Мезенцов, командир Томского пехотного полка подполковник И. И. Попов, а также майоры П. А. Эдинг, П. П. Акарман и С. Л. Тихановский, командующие соответственно Софийским, Нижегородским и Одесским пехотными полками¹⁷⁶.

Вильманstrandском полку 2-го пехотного корпуса, также входившем в отряд Дорохова, выбыло из строя 192 человека, включая 6 офицеров, 133 нижних чина и 53 ратника Московского ополчения. Регулярная кавалерия понесла незначительные потери (2 офицера, 16 нижних чинов и 80 лошадей), причем все они приходились на долю 1-го кавалерийского корпуса, двух кирасирских дивизий и гвардейской конной артиллерии¹⁸¹. Совсем незначительным был урон 1-го пионерского полка (5 рядовых), а также гвардейской пехотной дивизии 5-го корпуса (1 рядовой лейб-гвардии Финляндского полка, раненый картечью во время марша)¹⁸².

Среди полков русской пехоты, наиболее пострадавших под Малоярославцем, лидировал 6-й егерский полк. Из 1490 человек, числившихся в нем 11 октября 1812 г., после сражения осталось только 789. Истратив в бою 40500 патронов, этот славный полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 665 человек (44,6% состава), в том числе 12 офицеров (из 40), 28 унтер-офицеров (из 66), 7 музыкантов (из 33), 416 строевых рядовых (из 1022) и 212 ратников (из 293)¹⁸³. Кроме 6-го егерского еще девять полков понесли урон, превышающий 300 человек, а именно: Одесский (378), 11-й егерский (373), Либавский (351), Симбирский (348), Софийский (346), Полтавский (343), Алексопольский (320), Томский (315) и 19-егерский (307)¹⁸⁴. Семь полков потеряли каждый от 200 до 300 человек, шесть полков – от 100 до 200, а остальные десять (из числа понесших потери) – менее 100.

Потери русских полков, сражавшихся при Малоярославце, были не меньше, чем у французов и итальянцев. В значительной степени это объяснилось неопытностью рекрутов и ополченцев, составлявших больше половины всех русских пехотинцев, сражавшихся в городе. Эти необстрелянные бойцы проявляли стойкость, когда находились под жестким контролем со стороны своих офицеров и старослужащих унтер-офицеров. Оставшись без командиров, они сразу приходили в беспорядок и становились легкой добычей противника. «Солдаты, между коими было много рекрут, – откровенно свидетельствовал один из русских участников сражения А. А. Щербинин, – дрались дурно под Малоярославцем. Офицеры одни жертвовали собою»¹⁸⁵. Столь суровый вердикт, однако, нельзя признать полностью объективным, – списки сотен нижних чинов русской армии, награжденных за бой 1812 г., свидетельствуют о проявленной ими храбрости и самоотверженности.

О мужестве и упорстве российских войск говорит сам характер сражения. Как известно, во время 18-часового боя Малоярославец многократно переходил из рук в руки, причем источники приводят противоречивые данные о том, сколько раз это было. «Предмет сражения был город, – сообщал Кутузов в своем первом донесении царю, составленном в час ночи 13 октября, – который восемь раз занимался нами и столько ж был уступаем сильному стремлению неприятеля»¹⁸⁶. В этом послании, также как и в более подробном рапорте от 9 февраля 1813 г., фельдмаршал фальсифицировал результаты боя, объявив, что Малоярославец в конце концов остался у русских. Он даже объявил, будто «неприятель пожертвовав в сей день всею итальянскою своею гвардиею, в ночь с 12 на 13 число совершил свое отступление к Боровску и Верею»¹⁸⁷. На самом деле Наполеон, чьи войска захватили Малоярославец еще вечером 12 октября, оставался в этом городе и впереди него до 15-го числа, когда и начал свой отход через Верею на Можайск. В свою очередь Кутузов еще 13 октября отвел свою армию на 8 верст от Малоярославца по дороге на Калугу (к Гончарову и Детчину), а через два дня отступил еще дальше на юг к Полотняным Заводам.

Показания французских и итальянских участников сражения (в частности, реляция принца Евгения Богарне и заметки дивизионного генерала Ш.-Н. д'Антуара, командовавшего при Малоярославце артиллерией IV корпуса) совпадают с рапортом Кутузова от 13 октября, утверждая, что русские войска атаковали город 8 раз¹⁸⁸. Некоторые отечественные источники считают, однако, что Малоярославец переходил из рук в руки еще чаще. Так, например, согласно рапорту генерала Раевского от 1 ноября 1812 г., только его 7-й пехотный корпус, поддержанный частями 8-го и 3-го корпусов, восемь раз оспаривал город у противника¹⁸⁹. В то же время, по свидетельству генерала Дохтурова, французы еще до вступления в бой 7-го корпуса трижды выбивали из Малоярославца полки 6-го пехотного корпуса и отряда Дорохова¹⁹⁰. А. П. Ермолов, лично руководивший боем за город в начальный период сражения, сообщает о четырех таких случаях (считая с 6-ти часов утра, то есть после того, как 33-й егерский полк уже был один раз вытеснен неприятелем из Малоярославца)¹⁹¹. Кутузов подтверждает показание Ермолова, указывая в своем рапорте от 9 февраля 1813 г., что 7-й корпус Раевского по прибытии к городу отбил его у неприятеля в пятый раз¹⁹². Сэр Роберт Вильсон, британский генерал, находившийся в Главной квартире русской армии, писал 13 (25) октября 1812 г. лорду Каткарту, что «город переходил из рук в руки по крайней мере 11 раз»¹⁹³. Таким образом, в ходе сражения русские

войска могли штурмовать Малоярославец и отбивать его у противника 8, 11, 12 или даже 13 раз, во всяком случае не менее восьми. Это ли не подтверждение их отваги и воли к победе?

Особенно отличились под Малоярославцем пехотные и егерские полки 6-го корпуса и отряда Дорохова, которые храбро дрались с самого утра под начальством генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова. Своей многочасовой борьбой за город они дали время главным силам Кутузова прибыть к Малоярославцу и прег-радить неприятелю путь на Калугу. Теперь, чтобы продолжать движение на Калугу, войскам Наполеона предстояло сразиться со всей русской армией, последовательно занимавшей выгодные оборонительные позиции на немецких высотах, а затем у Гончарова и Детчина. Французский император долго колебался, выслушивая мнения своих маршалов, но так и не решился на генеральное сражение. Отказавшись от своего прежнего плана, он предпочел вернуться на Смоленскую дорогу, являющуюся основной коммуникацией Великой армии. Простояв у Малоярославца еще два дня, наполеоновские войска в ночь на 15 октября двинулись через Боровск и Верею к Можайску, чтобы соединиться с отрядом маршала Мортье, перешедшим туда из Москвы. Таким образом, французам не удалось пройти в Калугу и захватить собранные там богатые запасы продовольствия. Вместо этого они были вынуждены отступить на запад, по Смоленской дороге, окрестности которой были разорены и опустошены еще летом. Сорвав замысел Наполеона, русские одержали под Малоярославцем стратегическую победу, повлиявшую на исход всей кампании.

Автор сознательно ограничился детальным описанием только самого сражения при Малоярославце, обойдя вниманием события последующих двух дней, когда войска Наполеона оставались на позиции под городом. Боевые действия 13 и 14 октября, за исключением набегов русских казачьих отрядов на Боровскую и Медынскую дороги, причинивших французам определенный ущерб*, не представляли собой ничего серьезного.

* В ночь на 13 октября 1812 г. атаман Платав, чей казачий корпус во время боя при Малоярославце держался довольно пассивно, предпринял набег на Боровскую дорогу силами 10-ти полков иррегулярной конницы. Шесть казачьих полков под командой генерал-майора А. В. Иловайского 3-го, поддержанные 20-м егерским полком, переправились на левый берег Лужи по плотине у мельницы в пяти километрах выше Малоярославца. Оставив егерей прикрывать переправу, эти полки еще до рассвета устремились на Боровскую дорогу, где вызвали панику среди французских обозов. Напав у деревни Городня на парк французской гвардейской артиллерии, казаки захватили его, но из 40 орудий смогли увезти лишь 11. При этом они едва не пленили самого Наполеона, ехавшего из Городни к Малоярославцу в сопровождении маленькой свиты и трех конных взводов охраны. Подоспевшие на помощь императору 4 эскортных эскадрона гвардейской кавалерии атаковали казаков и прогнали их обратно за Лужу. Другая партия казаков (4 полка под начальством генерал-майора Д. Е. Кутейникова 2-го), отправленная Платовым к Боровску, отбила у деревни Колодезь часть французского обоза с награбленным церковным серебром и взяла в плен 5 офицеров, 2 лекарей и более 100 солдат. В тот же день под Медынью казачий отряд полковника Г. Д. Иловайского 9-го (3 полка) имел удачный бой с авангардом V (польского) корпуса Великой армии, захватив у противника 5 орудий.